

ВАДИМ ПАНОВ

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов
Головокружение

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2012

Панов В. Ю.

Головокружение / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2012 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-54303-8

Новый роман из легендарного цикла «Тайный город» в ваших руках! Чуды, люды, навь... Прежние властители Земли нашли укрытие в Тайном Городе в глухих лесах на берегах Москвы-реки, но даже сейчас, когда здесь вырос шумный мегаполис, новые хозяева планеты не сумели потревожить своих предшественников — ведь Великие Дома оберегала недоступная обыкновенным челам Магия. Год за годом, век за веком сохранялся устоявшийся порядок вещей, потомки древних рас мирно (хотя и не всегда) сосуществовали друг с другом и с теми, кто безосновательно считал себя единственными разумными существами на Земле. Но эта почти благостная картина была нарушена чередой необъяснимых убийств, а преступник... По всему выходило, что преступник был челом, но при этом пользовался уникальными заклинаниями, позволявшими ему безнаказанно вершить свое темное дело. Кто же этот убийца, какие цели он преследует и кто стоит за его спиной? Ответ на этот вопрос искали лучшие умы Тайного Города, и даже комиссар Темного Двора Сантьяга не мог с ходу решить кровавый ребус. И лишь Красные Шапки не поддавались всеобщему ажиотажу — у них были проблемы поважнее...

ISBN 978-5-699-54303-8

© Панов В. Ю., 2012

© Эксмо, 2012

© Панов Вадим, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вадим Панов

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Пролог

Подземные паркинги, что трудолюбиво выкапывают строители под большими офисными центрами, никогда не наполняются настоящей жизнью, лишь суррогатом ее, и тем отчаянно похожи на некрополи. На гробницы современного стиля, в которых властвуют бетон и мертвый свет. Мы вынуждены их посещать, но неспособны привыкнуть к холодной мрачности подземелья. Давящие потолки, серые стены, затхлый воздух... паркинг – склеп. Не для вечного упокоения, правда, а в аренду, но все равно для мертвечины, для железа, которое никогда не было живым.

И каждый будний день в некрополи большого города направляются тысячи паломников.

Пик приходится на утро, когда очнувшиеся от спячки офисы начинают жужжать системными блоками, а обладатели парковочных мест загоняют своих круглолапых скакунов в нарисованные на асфальте стойла. Некрополи наполняются шумом двигателей, смрадом выхлопных газов и редкими сигналами клаксонов – все вместе создает впечатление бьющей ключом жизни, но это ложь. Обман. Машины мертвы, они легко переносят посещение сумрачных гробниц, а вот люди здесь не задерживаются, и большинство покидает паркинги быстрым шагом, торопясь поскорее вырваться на волю.

Людям здесь плохо.

Наполняются некрополи торопливо, впитывают в себя утреннюю волну паломников с жадностью изголодавшихся вампиров, а вот расстаются с добычей медленно, без охоты отпуская заполученные автомобили: по одному, по два, но не все сразу, не такой волной, что захлестывает подземелье утром. А люди подыгрывают: кто-то уезжает еще днем и не возвращается с деловой встречи, кто-то отпрашивается или просто сбегает, желая проскочить самые глупые пробки, кто-то отправляется ужинать в ближайший ресторан. А кто-то допоздна сидит над бумагами и спускается в подземелье ближе к полуночи, когда пустеют обширные уровни, лампы горят через одну и паркинги окончательно превращаются в угрюмые шлюзы, за которыми явственно просматривается вход на Ту Сторону.

Именно в такой час, мрачный и таинственный, ступил на первый уровень парковки высокий рыжеволосый мужчина в деловом костюме. Не возник из ничего, волшебным образом материализовавшись посреди подземелья, не прилетел на колдовских крыльях и не вышел из стены – просто ступил, сделав шаг из лифта, и неспешно направился к бордовому «Ягуару», на ходу разговаривая по телефону:

– Так и знал, что ты не спишь... Детей уложила? Да, я помню, что обещал сегодня фехтовать с Карлом, но не получилось... Пусть не обижается...

Казалось бы – ничего странного. Обычный разговор с женой, недовольной поздним возвращением супруга. Обычная усталость в голосе, легкая, но заметная. Обычная для менеджера высшего звена экипировка: пошитый на заказ костюм, идеально белая сорочка, модный галстук, модные туфли и швейцарские часы, не выпендрёжные, наглые, нахраписто выставливающие напоказ запределную свою цену, а спокойные, неброские, мягко уточняющие, что их обладатель богач, но не хвастун.

Тем не менее стандартное облачение и стандартное поведение мужчины казались неуместными, чуждыми для рыжеволосого, и виной тому была его незаурядная внешность.

Герой – вот что приходило в голову при первом же взгляде на этого человека. Герой без скидок.

Короткие волосы, щеточка усов, большие карие глаза, упрямый подбородок с ямочкой – хоть сейчас на рекламный плакат: «Ты готов к приключениям?» А ладная фигура рыжеволосого дышала такой силой, что даже неискушенному наблюдателю было ясно: мощь мужчины не искусственная, набранная в каком-нибудь фитнес-центре, а самая что ни на есть натуральная, дарованная природой. Потому и возникало ощущение неправильности: люди с такой внешностью не должны проводить жизнь в офисе, пусть даже и на высокой должности. Не должны ходить на службу с девяти до шести и тратить силу и время на протирание кожаных кресел. Нет. Не по комнате для переговоров должен бродить рыжеволосый, покусывая карандаш, а по жаркой саванне, с африканским штуцером в руках выслеживать носорога. Или сидеть на танковой броне. Или стоять над покоренным полюсом...

Другими словами, рыжеволосый смотрелся настоящим героем, не то что сутулый уборщик в серой униформе, возившийся у мусорного бачка. Собственно, процедура, которую проделывал уборщик, особой сложностью не отличалась: достать наполненный мешок из металлической урны, переложить в пластиковый контейнер на колесиках, снарядить урну неизгаженным мешком, и все. Операция должна была занять несколько секунд, но сутулый проводил ее с такой тщательностью, словно нехитрая работенка несла в себе сакральный смысл всего на свете. Шевелился уборщик не только медленно, но и тихо, словно опасаясь растревожить покой некрополя, и потому остался незамеченным. Ну... может, и не в буквальном смысле, но если рыжеволосый герой и заметил сутулого, то уж точно не обратил на него никакого внимания.

– Да, дорогая, сразу же домой... Согласен, мне и самому надоело каждый день задерживаться, но что делать: такая уж выдалась неделя... Обещаю, что следующий аврал случится не раньше, чем через год... Ты ведь меня знаешь: если я пообещал, так и будет... Целую.

Рыжеволосый убрал телефон в тот самый момент, как поравнялся с уборщиком. Или же уборщик, отлипший, наконец, от столь понравившейся ему урны, поравнялся с рыжеволосым. Как бы там ни было, они оказались в шаге друг от друга, и тогда уборщик резко сцепил перед собой руки и с силой разорвал их, словно сбрасывая невидимые путы.

Странный и нелепый жест.

Смертоносный.

Все произошло настолько быстро, что у рыжеволосого не осталось и секунды на реакцию, на ответный шаг, на попытку спасти свою жизнь. На благородном лице героя еще только зарождалось недоуменное выражение, а огненная стрела уже прочертила путь, преодолела шаг, разделявший убийцу с жертвой, на мгновение осветила сумрачный паркинг зеленоватой вспышкой, пронзила грудь рыжеволосого и сверкнула за его спиной, оставив черный рубец на бетонной колонне.

– Вы будете молить о пощаде, но я останусь глух, – высокопарно произнес сутулый. – Ибо нет в моем сердце жалости и сострадания, как нет его в ваших сердцах. Ибо меч несу я вам...

Сочащийся пафос не оставлял сомнений в том, что речь была заготовлена долгая, однако слушатель подкачал: уже на втором предложении рыжеволосый рухнул на колени, таращась перед собой остекленевшими глазами, а затем упал на грязный пол, заливая бетон кровью. А на его широкой груди, в том самом месте, где должно было биться сердце, красовалась дыра с обугленными краями.

Может, подземный паркинг только напоминал некрополь, однако сегодня он стал площадкой, с которой рыжеволосый стартовал на Ту Сторону.

– В общем, будь ты проклят, собака, – хрипло закончил уборщик.

После чего выругался, повернулся и медленно направился к осиротевшему «Ягуару».

Глава 1

– Далеко еще? – негромко спросил Малькольм де Уск. – Ты говорил – не более лиги.
– Вы ведь понимаете, что князь и королева не могли не предпринять соответствующих мер безопасности, – так же тихо отозвался шас.

– Соответствующих чему?

– Статусу встречи.

– Или же нас ждет засада, – холодно произнесла Анжелика.

– Или так. – Проводник с улыбкой посмотрел на супругу великого магистра.

– Тебя развеселила моя догадка?

– Меня развеселил ваш вопрос, госпожа. – И шас неожиданно серьезно закончил: – Князь дал слово. Этого достаточно, чтобы вы чувствовали себя спокойно.

Анжелика собралась достойно ответить на дерзость, но Малькольм взял жену за руку и едва слышно прошептал:

– Не сейчас.

Шас, конечно, наглец, но он служил могущественным магам, и от встречи с его хозяевами зависела судьба Чуди. Без преувеличения – судьба всей Чуди.

Неделю колонна беженцев – все, что осталось от могущественного Ордена, – путала следы, в надежде оторваться от преследователей. Сначала большой портал – с его помощью чуды покинули тоннелей в огне Канагар-Дабар. Потом двухдневный переход по пустыне, потом еще один портал, сутки на отдых и следующий прыжок, приведший их в эти густые леса. Маги гарантировали, что надежно замаскировали и переходы, и колонну, что их следы не обнаружат ни атланты, ни гиперборейцы, но великий магистр заявил, что принятых мер недостаточно и нужно двигаться дальше. Великий магистр напомнил измотанным чудам, что враг хитер, силен и безжалостен, напомнил о сожженных дотла городах, о том, что челам не нужны побежденные чуды – только мертвые, и убедил не останавливаться. Рыцари поверили, пошли, но в действительности де Уск попросту не знал, что делать дальше, понятия не имел, куда ведет свой народ, и неожиданная встреча с навом подарила ему робкую надежду на благополучный исход бегства.

– Я опасаюсь за твою жизнь, Малькольм, – прошептала Анжелика, воспользовавшись тем, что проводник отдалился на двадцать с лишним шагов.

– Князь дал слово.

– Через посланника.

– Если все, что рассказывают о навах – правда, этого достаточно.

Анжелика с сомнением покачала головой.

Одиноким и безоружным гарка вышел навстречу колонне вчера утром. Позволил себя обыскать и даже связать, после чего сухо попросил о встрече с великим магистром. Ошарашенные рыцари – Навь давным-давно считалась вымершей – просьбу исполнили, предприняв, разумеется, все возможные меры предосторожности, и не менее изумленный Малькольм услышал невероятное: «Вы находитесь в области Тайного Города. Власть на этой территории принадлежит Темному Двору и Зеленому Дому. Повелители Великих Домов понимают, что большие вам некуда податься, и предлагают переговоры: завтра утром князь и королева будут ждать великого магистра. Если вы согласны на встречу – я должен уехать и сообщить о согласии. В этом случае утром в ваш лагерь придет проводник».

«А если мы тебя убьем?»

Нав безразлично пожал плечами:

«В этом случае к вам придут уже этой ночью. – Помолчал и уточнил: – Не проводники».

Предложение вызвало жаркие споры: Леннарт фон Гразе, магистр ложки Драконов, предлагал отпустить нава, но немедленно покинуть опасное место, оставив лишь парламентаров. Горячий Стен, магистр Мечей, призывал принять последнюю битву и с честью уйти за павшими друзьями. Петер Кавальери, мастер войны, рекомендовал выслать разъезды и выяснить расположение крепостей противника. Чуды возбудились, а вот Малькольм почувствовал облегчение: бессмысленное путешествие наконец-то завершилось, и больше не требовалось прикидываться, будто он знает, что делает. Де Уск без колебаний принял предложение и распорядился освободить гарку.

– Ты слишком доверился им.

– У нас нет другого выхода.

– Насчет темных не скажу, а вот зеленые не испытывают к Ордену теплых чувств, – продолжила Анжелика. – Наши предки лишили их власти над Землей.

– Война закончилась много столетий назад.

– То есть рано или поздно ты сможешь без ненависти смотреть на чело^в?

Острый вопрос заставил де Уска задуматься.

– Я – нет, – проворчал он после паузы. – Но наши потомки – наверняка.

– Ты слишком великодушен, – улыбнулась Анжелика. – Наверное, за это я тебя и люблю.

– Только за это?

– Тем не менее, – продолжила женицина, оставив без внимания замечание мужа. – Мы сделали с зелеными то же, что чело^вы сделали с нами...

– Я знаю историю.

– А зеленые...

– И еще я знаю, что тысячи лет назад зеленые выжили с трона темных. Но сейчас они вместе, а поскольку нав^ы никогда не считались великодушными, этот факт говорит о многом.

Поняв, что великого магистра не переубедить, Петер Кавальери вызвался сопровождать его на опасную встречу, но получил отказ. «Мы не имеем права рисковать вместе, – твердо ответил Малькольм. – Если я погибну, ты возглавишь Орден». – «А как же выборы?» – «В данных обстоятельствах именно мастер войны должен стать великим магистром». – «Тогда на встречу отправлюсь я». – «Нет». – «Почему?» – «Потому что... – Де Уск помолчал. – Потому что я должен был остаться в Канагар-Дабаре. Я, а не Фердинанд фон Клют, твой предшественник. Я был обязан прикрывать отход... Бегство... Мне следовало умереть». – «У Ордена должен быть великий магистр». – «Я проиграл войну...»

– Он остановился.

Шепот Анжелики вывел Малькольма из задумчивости. Выезжая из лагеря, великий магистр был возбужден, нервничал в ожидании непростого разговора, но монотонная дорога через густой лес расслабила Малькольма настолько, что он едва не задремал в седле.

– И, кажется, с кем-то разговаривает, – продолжила Анжелика.

– Значит, встреча пройдет на этой поляне, – пробормотал де Уск.

Решение Анжелики составить ему компанию не показалось Малькольму странным: они с женой всегда были близки, и даже ее неспособность иметь детей не заставила великого магистра оставить любимую. Де Уск делился с Анжеликой самыми сокровенными мыслями и всегда прислушивался к ее советам. Он все равно попросил жену не рисковать, но услышал ожидаемое: «Я была рядом во время триумфа и не оставляю тебя в минуту опасности». Анжелика поехала на встречу, но это обстоятельство не понравилось некоторым ее участникам.

– Ты должен был прийти один, – холодно произнесла королева Зеленого Дома.

– В приглашении ничего не говорилось о количестве гостей.

– Пусть твоя женицина подождет на опушке.

– Мы вместе, – отрезал Малькольм. – И Анжелика останется рядом со мной.

– Пусть так, – неожиданно проклокотал князь. – Если мы их разлучим, он будет нервничать.

Королева усмехнулась, великий магистр слегка покраснел, Анжелика сумела сохранить бесстрастный вид.

Лидеры древних Великих Домов явились на поляну ожидаемым способом – через портал. И выглядели они так, словно магический переход доставил их не из тайных укрытий, а прямоком из легенд. Черный плащ до пят, капюшон, надвинутый настолько низко, что полностью скрывает лицо, – князь Темного Двора. Зеленое платье с большим вырезом, легкая накидка и драгоценности – королева Василиса. Как выглядел повелитель Нави, великий магистр так и не узнал, а вот владычица Зеленого Дома оказалась ослепительной красавицей: идеальная фигура, пышные светлые волосы, огромные глаза... Василиса производила потрясающее впечатление, но держалась предельно холодно.

– Странно, что мы встретились, – протянул Малькольм. – Земля велика, и вероятность...

– Ничего удивительного, магистр, – перебил чужаков. – Вы шли сюда, в Тайный Город.

– Великий магистр, – поправил темного Малькольм.

– Оставим титулы для официальных встреч.

– То есть я могу называть вас просто князем?

– Можете – просто навом, я горжусь своим происхождением.

Де Уск на мгновение сбился, но только на мгновение. Спор на отвлеченную тему в планы великого магистра не входил, гораздо больше его заинтересовала другая оговорка князя:

– Вы сказали, что я шел сюда.

– Так было, – подтвердил темный.

– Но я не шел, – честно признался Малькольм. – Я бежал. Я не знал, куда веду свой народ.

– Но шел ты в правильном направлении, – вставила свое слово Василиса. – Интуиция вела тебя в Тайный Город.

– Город? – Де Уск окинул взглядом окружающий поляну лес. – Вы не ошибаетесь?

– Не ошибаемся, – отрезала королева. – Пройдут века, и здесь возникнет большой человеческий город. Так будет.

– Так будет, – клокочущим эхом подтвердил князь.

– Было предсказание?

– Здесь есть оракул.

– Ему можно верить?

– Ты привел колонну всего на неделю позже, чем он указал.

– Впечатляет.

– Его предсказания точны, но делает он их нечасто.

– Он сказал что-нибудь еще? – осведомилась Анжелика. И уточнила: – О нас?

– Только то, что Чудь окажется в Тайном Городе, – ответил князь. И тоже уточнил: – Как все мы.

– Вы жили здесь все это время?

– Каждый из прошедших дней.

– Я читал хроники... – Малькольм помолчал. – Установив власть Ордена, Цун ле Го тщательно исследовал Землю, но нигде не нашел следы людоедов. Считалось, что вы погибли.

– Атланты и гиперборейцы пойдут по стопам твоего предка, магистр, – холодно ответила королева. – И не найдут выживших чудоедов.

– Почему?

– Потому что здесь – Тайный Город.

– Это не объяснение.

– Другого у нас нет, – вернул себе слово князь. – Мы потратили много времени и сил, чтобы отыскать выживших в Первой войне асуров. Мы были предельно внимательны, мы побывали в самых потаенных уголках Земли... и были изумлены, обнаружив здесь их поселение.

– Только его?

– Да, – помолчав, ответил нав. – Только здания и сооружения. Они стояли здесь все время, пока Темный Двор владел Землей, а мы его не видели.

– Как же вы это объясняете?

– Мы уже ответили, – усмехнулась Василиса, пристально, с необъяснимой в данной ситуации ревностью разглядывая Анжелику.

– По неизвестным причинам, здесь образовалось «слепое пятно», которое закрывает территорию от любого вида магического поиска. – Князь помолчал. – Такое впечатление, что Спящий позаботился о проигравших.

– Чем же вы здесь занимаетесь? – с едва различимым презрением осведомилась Анжелика.

– Живем, – коротко ответил князь.

– В забвении? – поддержал жену Малькольм. – Как крысы?

– Но ведь ты не остался в Канагар-Дабаре, магистр, ты бросился на поиски укромного уголка.

– Как крыса, – жестко усмехнулась Василиса.

Чуды покраснели.

– Я должен был спасти народ, – протянул великий магистр.

– Ты только что ответил, почему мы живем здесь, – королева выдержала многозначительную паузу. – В забвении.

– Вы пустите нас к себе? – неожиданно робко спросила Анжелика. – У нас много раненых, много женщин и детей. Они перенесли страшные испытания, вымотаны до предела и едва способны идти. Нам нужен отдых.

– Территория Тайного Города достаточно велика, – негромко ответил князь. – До сих пор мы делили ее пополам, но готовы потесниться.

– А что взамен? – поинтересовался де Уск.

– Ничего.

– Ничего?

– Мы не продаем то, что нам не принадлежит, – твердо произнес нав. – В Тайном Городе ищут спасения, так что – добро пожаловать.

– Мы должны их уничтожить! – воскликнула Анжелика.

– Не слишком ли смело? – поинтересовался Кавальери, с улыбкой глядя на нее. – Вероятность успеха высока, но ведь можно и проиграть.

– Весьма решительно, – проворчал магистр Мечей. – Но Анжелика права – зеленые мешают.

– Глупо, – бросил магистр Драконов и удостоился от супруги великого магистра гневного взгляда. Но не отступил и повторил, продолжая смотреть прямо на Анжелику: – Глупо.

– Не забывайся!

– Я – магистр ложи Драконов, я имею право говорить на этом совещании, – резанул Леннарт. – А ты всего лишь...

– Мы должны быть едины в этот тяжелейший для Чуди час, – громко произнес Малькольм. – Мы услышали смелое предложение и должны его обсудить.

Ни слова о том, что на совете могли присутствовать лишь высшие иерархи Ордена. Ни слова о том, что его жена грубо нарушает древние законы.

– Почему бы нам просто не принять предложение других неудачников? – осведомился Леннарт, подчеркнуто обращаясь исключительно к великому магистру.

– Потому что они – враги, – убежденно ответил Малькольм. – Потому что зеленые не забыли о нашей победе и постараются отомстить.

– Почему же темные не отомстили зеленым?

– Спроси у темных.

– Бессмыслица! – Дракон развел руками и удивленно оглядел собравшихся. – Мы только что вышли из боя. Мы бежим. Армии у нас нет, лишь остатки, рыцари измотаны...

– Именно поэтому предложение Анжелики гениально! – воскликнул Кавальери. – Темные и зеленые не ждут атаки. Они прекрасно знают все, что ты сейчас перечислил, и не считают нас противниками.

– Наша атака станет для них сюрпризом! – рассмеялся магистр Мечей.

– Великолепный замысел! – поддержал коллег магистр Саламандр.

– Нужно определить местонахождение вражеских крепостей, – деловито произнес магистр Горностаев, разглядывая переданную великому магистру карту. – Территория Тайного Города напоминает большой овал. Нам они отдали юг и юго-запад, значит, их зоны должны располагаться приблизительно...

– А если карта неверна?

– Проведем разведку.

– Да что происходит? – Леннарт изумленно оглядел рыцарей. Он редко бывал в столице, войну провел вдали от ставки великого магистра и даже не представлял, насколько сильное влияние имеет на высших иерархов Ордена супруга великого магистра. – Вы понимаете, о чем говорите? У темных и зеленых есть Источники, и если случится невероятное, если мы сумеем их прижать, маги шарахнут в полную силу...

– А я думаю, что Источник есть только у нас, – заявила женицина.

– Как это?

– Анжелика?!

– Князь и королева не смогли или не захотели объяснить, что именно защищает обитателей Тайного Города от поиска. Я же думаю, что они солгали, и именно на маскировку уходит большая часть энергии их Источников.

– Но почему они не рассказали об этом?

– Признаться в уязвимости? Поведать нам о своей слабости?

– Они хотели обмануть нас!

– Но у них ничего не вышло.

– Вы забываете о том, в каком мы состоянии! – не отступал фон Гразе. – Сколько у нас рыцарей? Меньше тысячи, и многие ранены! О какой войне вы говорите? О какой атаке?!

– О победной!

– О последней войне Ордена!

– Мы говорим о битве, которая возродит Орден! А для этого нам нужно уничтожить древних врагов! – Анжелика помолчала и с жаром продолжила: – Здесь жили асуры, а значит, здесь наверняка есть их артефакты, на которые наложили лапу темные. Мы разобьем навов и заберем древнее оружие! Мы станем сильнее и разнесем челов! Мы вернем Чуди власть!

– Да!

– Во славу Ордена!

– Да!

– И наш повелитель вновь будет править миром!

– За Малькольма!

– За Малькольма и Анжелику!

– Мы победим!

* * *

Башня «Мамонтов».

Москва-Сити, 7 июня, вторник, 06:39

– Что значит перекрыт? – недовольно переспросил Хвостов. Он только что примчался на работу и еще не вошел в курс дела. – Весь паркинг?

– Так точно, – подтвердил Семенов, начальник охраны здания, и тут же уточнил: – Первый уровень.

– В честь чего?

– Как это в честь чего? – слегка растерялся Семенов. – Я ведь говорил: там...

– Твои ребята нашли мертвое тело, я помню, – отмахнулся Хвостов. – Но почему полицейские не отгородили себе маленький участок для расследования? Какого черта они перекрыли весь уровень?

Хвостов занимал должность главного управляющего и прекрасно понимал, кому направят претензии недовольные арендаторы. А то, что претензии будут – к гадалке не ходи. Через час-полтора центр захлестнет утренняя волна служащих, а поскольку места в паркинге распределены четко, каждый едет к себе, на въезде обязательно возникнет пробка...

– Нам работать надо!

– Я понимаю, – уныло согласился Семенов.

– И что?

– Меня они не слушают.

– Ладно, попробую сам, – вздохнул Хвостов.

– И еще я забыл сказать: это уже не полицейские. – Семенов поморщился.

– Как это не полицейские?

– Они их выгнали, – объяснил начальник охраны. – Приехали пару часов назад и такие бумаги выкатили, что полицейских отсюда ветром сдуло.

– Госбезопасность? – догадался управляющий.

– Точно.

Час от часу не легче. Хвостов тихонько выругался, почесал затылок и поинтересовался:

– Какое отношение к госбезопасности имеет директор консалтинговой фирмы?

– Откуда мне знать?

Логично. Семенову-то откуда?

Управляющий тяжело вздохнул и, предчувствуя, что дело принимает дурной оборот, снова выругался.

Свистопляска началась в половине второго ночи – на круглосуточный пост охраны позвонила встревоженная супруга Александра Декантрова, владельца и генерального директора консалтинговой фирмы «АДиК», и сообщила, что ее муж до сих пор не вернулся с работы. Ребята Семенова женщину выслушали, пообещали разобраться, перебросились меж собой парой шуток: мол, надо мужику осторожнее быть, не забывать предупреждать благоверную, что дома ночевать не собирается, потом вывели на монитор картинки с нужных видеокамер и... и прикусили языки, потому что увидели «Ягуар» Декантрова. А его офис, как докладывала компьютерная система безопасности, был закрыт и поставлен на сигнализацию еще несколько часов назад. Парни спустились на первый уровень, обнаружили валяющегося в луже крови бизнесмена и немедленно вызвали полицию. Заодно разбудили Семенова, который приехал в здание всего на десять минут позже оперативной группы.

Такой получилась завязка.

Начальник охраны был калачом тертым, сам вышел из полицейской системы, протокол, по которому действовали бывшие коллеги, знал не понаслышке, искренне надеялся, что все положенные мероприятия будут завершены до основного наплыва офисных служащих, а потому будить Хвостова среди ночи не стал. Зачем? Утром приедет и обо всем узнает. Однако реальность оказалась суровее, чем рассчитывал Семенов. Едва полицейские эксперты приступили к работе, как в паркинг вкатились три массивных внедорожника, а вылезшие из них мужчины жестко сообщили ошарашенным блюстителям порядка, что убийство высокопоставленного «белого воротничка» является федеральным преступлением, имеющим непосредственное отношение к безопасности государства. Несмотря на странность заявления, артачиться полицейские не стали: сделали пару звонков, убедились, что безопасники не шутят, и ретировались, пожелав Семенову удачи. А наглые федералы выгнали всех вон, отключили следящие видекамеры и до сих пор копошились на перекрытом уровне, не допуская на него «посторонних».

– Попробую поговорить. – Хвостов нервно глянул на часы, понял, что терять нечего, и двинулся по широкому пандусу к парням, что контролировали основной въезд в уровень. – Я хочу знать...

– Фамилия?!

– Что? – растерялся управляющий.

– Фамилия?!

И холодный вопрос, больше похожий на окрик, заставил Хвостова сбиться.

Направляясь к федералам, Василий Николаевич чувствовал себя недостаточно уверенно, но надеялся, что значимая его должность и список весьма влиятельных компаний, арендовавших в небоскребе помещения, должны заставить безопасников вести себя корректно, однако наглый окрик заставил управляющего опешить.

– Я...

– Вы – Хвостов Василий Николаевич, пятьдесят четыре года, майор вооруженных сил в отставке, – ровно, но с едва различимыми нотками презрения в голосе, произнес один из безопасников. – У вас есть интересная следствию информация?

Перекрывшие дорогу федералы не походили друг на друга: один высокий, второй приземистый, плотный, у первого лицо вытянутое, породистое, у второго круглое, крестьянское, но оба были рыжими, и это обстоятельство Василий Николаевич отметил, даже несмотря на охватившую растерянность.

– Что?

– Вы располагаете какой-либо информацией о совершенном здесь преступлении?

– Нет.

– В таком случае...

– Я должен знать... – Из последних сил попытался отстоять свои права Хвостов, но был бесцеремонно перебит:

– Вы должны только одно – сотрудничать с нами, – веско произнес высокий. – В настоящий момент мы заинтересованы в получении информации. Если вам нечего сообщить – не путайтесь под ногами.

И отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Давно, очень, очень давно не переживал Василий Николаевич подобного унижения. Чувствуя себя оплеванным, он вернулся к Семенову и, не найдя подходящих случаю слов, скорчил гримасу. В ответ начальник охраны пожал плечами:

– Я предупреждал.

– Челы беспокоятся, мастер.

– Они всегда беспокоятся, – буркнул в ответ Гуго.

– Просят открыть уровень. Если мы создадим здесь пробку, то привлечем ненужное внимание.

Гуго де Лаэрт, мастер войны Ордена, кивнул, показывая помощнику, что услышал, но на этот раз промолчал. Вновь повернулся к двум командорам войны, что заканчивали повторный осмотр места происшествия, и вопросительно поднял брови.

– Ничего не изменилось, мастер, – коротко ответил один из рыцарей. – Все говорит о том, что Алекса де Кантора убил человский колдун.

Этот вывод уже звучал, и именно он привел к повторному, более тщательному осмотру места убийства. Потому что...

– Алекс был магом третьего уровня, – едва сдерживая раздражение, произнес де Лаэрт. – Останься он на службе, давно стал бы командором войны, и ты, Иоганн, знаешь об этом лучше меня. Ты учился с Алексом.

– Он был моим другом, – хмуро подтвердил рыцарь.

– И был хорош в бою.

– Верно, мастер.

– А теперь назови мне чела, способного потягаться с де Кантором в поединке.

Вопрос прозвучал насмешкой: среди господствующих на Земле челов сильные маги встречались настолько редко, что их можно было пересчитать по пальцам. Но даже они трижды подумали бы, прежде чем атаковать чуда со способностями к титулу командор войны. И пусть де Кантор не закончил обучение – он все равно был быстр и силен.

– На Алекса мог напасть Хранитель Черной Книги, – предположил второй рыцарь, Борис фон Дорт.

– Не подходит, – качнул головой Гуго. – Лариса соблюдает нейтралитет и не высовывается больше необходимого.

Иоганн и Борис были не простыми воинами, они входили в штаб мастера войны, а потому осмотр плавно перешел в совещание.

– Ларису могли подставить, – едва слышно произнес из-за спины Гуго помощник. По статусу ему не позволялось подавать голос, однако юноша не сдержался.

– Кто? – осведомился де Лаэрт.

– Ну, например, тот, кто хочет добраться до Черной Книги.

– То есть другой чел?

– Да.

Де Лаэрт стиснул зубы.

Как все чуды, мастер войны был рыжим, как все воины, обладал отличной, без капли лишнего жира фигурой, но главным его достоинством было не умение сражаться, а выдающиеся способности, которые и позволили Гуго стать высшим боевым магом Ордена. И сейчас, машинально проверяя работу подчиненных рыцарей, де Лаэрт снова убедился в их правоте. Видел то же, что и командоры войны, видел немыслимое – Алекс де Кантор убит челом, и именно это заставляло Гуго стискивать зубы. Потому что в его представлении, и в представлении всех обитателей Тайного Города, челы не были способны на подобный подвиг.

– Есть гиперборейская ведьма, – осторожно напомнил Иоганн.

– Следов Золотого Корня не обнаружено, только энергия Колодца Дождей, – покачал головой Борис. – Стандартная человская магия, никакой гиперборейской мути.

– К тому же Яна с Кортесом уехали на остров, – протянул Гуго. – Я провел у них прошлые выходные и знаю, что возвращаться они не собирались.

– Могли соврать.

– Следов Золотого Корня нет, – повторил Борис.

– Может, люды? – продолжил поиск врагов Иоганн. – От них всего можно ожидать. Магическая энергия у них с челами общая, вот и прикинулись, чтобы следы замести.

Отношения между Великими Домами Тайного Города никогда не были братскими, максимум – временный союз, изредка – война, как правило – нейтралитет. Сейчас шел период нейтралитета, но настоящий воин никогда не забывает о старых врагах.

Впрочем, будь Иоганн чуть менее расстроен смертью друга, он наверняка понял бы, какую глупость сморозил.

– Люды здесь не появлялись, – тихо произнес Борис. – Ты трижды проверил.

– Я мог ошибиться.

– Не мог. – Фон Дорт перевел взгляд на Гуго: – Мощная зеленая ведьма оставила бы такие следы, что никакой маскировкой не скрыть.

– Скрыть, – упрямо заметил Иоганн.

– Но признаков маскировки нет, – разозлился Борис. – Нет! И я предлагаю смотреть правде в глаза, пусть даже правда эта – нереальная. Здесь был чел. Один чел. И он убил Алекса «Эльфийской стрелой». Точка.

Иоганн дернулся, словно хотел возразить, но посмотрел на напарника и передумал. Кивнул и отвернулся.

– А что видеокамеры? – Гуго покосился на помощника. – Проверили?

– Так точно.

«Когда же ты поймешь, что меня интересуют результаты, а не бравое подтверждение исполнения приказа?»

– И что? – спросил де Лаэрт, едва сдержав раздражение.

– Алекса убили в «слепой» зоне.

– Преступник воспользовался порталом?

– Нет.

– Значит, другие видеокамеры его видели?

– Судя по всему, преступник использовал одежду с эффектом «Накидки пыльных дорог», – уныло сообщил помощник. – На записях его нет.

– Алекс должен был почувствовать магическую одежду и насторожиться, – проворчал Борис.

– Значит, убийца добрался до «слепой» зоны и уничтожил одежду.

– Как же ему удалось уйти незамеченным?

– Он мог спрятать «накидку» под машину. – Гуго кивнул на «Ягуар». – В ней есть артефакты, так что шмотки затерялись в магическом фоне, и Алекс ничего не почувствовал.

– А видеокамера «видит» только половину «Ягуара», – прищурился помощник.

– Хитер.

– Он все хорошо продумал.

– Проклятый чел...

Чел, убивший командора войны в прямом поединке. Немыслимое предположение, но других нет. Мотивы убийства неясны, но ими можно заняться позже. Сейчас же Гуго интересовал другой вопрос:

– Если убийца – чел, то как он смог опередить Алекса?

Рыцари переглянулись и одновременно развели руками.

– Никаких предположений?

– Может, убийца использовал артефакт? – неуверенно протянул Борис.

– Артефакты нужно готовить к работе, и у Алекса было бы время ответить или уйти.

Активизировать, к примеру, «Дырку жизни», выбрасывающую своего обладателя в приемную Московской обители – это приспособление носили с собой почти все обитатели Тайного Города. Но де Кантор даже не пытался включить артефакт.

– Его застали врасплох, – закончил Иоганн.

– Согласен.

А этот вывод возвращал чудов к вопросу: как чел опередил Алекса?

Гуго медленно вернулся к лифту, от которого начал свой последний путь де Кантор, и сделал несколько шагов к «Ягуару», на ходу комментируя происходящее:

– Вот Алекс идет по паркингу... Говорит с женой по телефону... Видит... – Взгляд мастера войны уперся в урну, рядом с которой стоял пластиковый контейнер на колесиках. – Видит безобидного чела, который опорожняет помойку... Уборщиков проверили?

– Так точно...

– Мне нужны подробности! – рявкнул де Лаэрт. – Подробности, черт тебя дери, а не «так точно»! Понятно?

– Чел закончил работу примерно за час до убийства и уехал домой, – немедленно доложил покрасневший помощник. – К нему съездил Жиль Хаммер, провел допрос и позвонил мне. Сказал, что уборщик – обыкновенный чел, ни грана магических способностей.

– Установите за ним наблюдение.

– Слушаюсь.

Помощник взялся за телефон, а де Лаэрт продолжил:

– Итак, Алекс видит уборщика, но не обращает на него внимания, потому что нет признаков опасности, нет ничего подозрительного... Алекс спокойно заканчивает разговор с женой, убирает телефон... Делает еще один шаг... – Гуго замер у распростертого на полу тела. – И получает «Эльфийскую стрелу» в грудь.

– С близкого расстояния, – уточнил Иоганн. – Не больше полутора метров.

От чела, которого он считал безобидным.

– Снять ауру преступника не получилось, – угрюмо добавил Борис. – Тут проходной двор, и вычленишь нужный нам след нереально.

– То есть мы вообще ничего не знаем об убийце?

– Вообще ничего, – подтвердил фон Дорт.

А Иоганн сопроводил доклад напарника крепким словечком.

Ругань де Лаэрт не одобрял, но делать рыцарю замечание не стал, поскольку прекрасно понимал состояние Иоганна, потерявшего старого друга. Однако паузу выдержал, давая понять, что недоволен, добился того, что Иоганн опустил взгляд, и продолжил размышления:

– Итак, мы знаем, что какой-то чел по каким-то причинам решил убить Алекса. Чел, несомненно, из Тайного Города, прекрасно понимающий, что мы проведем самое тщательное расследование и приложим все силы, чтобы покарать преступника. Вопрос: почему убийца не замаскировал свои действия? Если он такой быстрый, то мог бы воспользоваться пистолетом, попытаться изобразить все заурядным преступлением.

– Не рискнул?

– А чего ему бояться?

– С пуль в голове Алекс мог бы протянуть несколько секунд...

– И ответить.

– Правильный выстрел свел бы эту опасность на нет, – задумчиво произнес мастер войны. – А две подряд пули в голову гарантированно не позволили бы Алексу ответить.

– Чел плохо стреляет?

– Или мы имеем дело с показательной расправой.

Вывод оказался настолько неожиданным, что рыцари не сразу поняли, куда клонит Гуго.

– То есть?

– Нам бросили вызов, – объяснил де Лаэрт. – Чел не просто убил Алекса, он сделал это с помощью магии и тем дал нам понять, что не боится преследования.

– А это означает, что за ним, возможно, стоит один из Великих Домов, – пробормотал Борис.

– Ставлю на темных.

– Зачем навам убивать Алекса?

Иоганн пожал плечами:

– Затем, что они навы. Они наши враги.

– Если убийцу прикрывает Темный Двор, то этим занимается Сантьяга. А Сантьяга никогда и ничего не делает без веской причины. – Гуго потер подбородок и вновь посмотрел на мертвого рыцаря. – Для чего ему нужна смерть Алекса? Давайте предположения. Но версия о том, что комиссар решил нас позлить, не принимается.

– Сантьяга любит устраивать многоходовые интриги, – подумав, высказался Иоганн. – Возможно, смерть Алекса – лишь первый шаг в большой игре.

– Допустим, – согласился Гуго. – Но это означает, что навы ждут от нас определенных шагов, а что нам остается, кроме расследования? Другие шаги невозможны.

– Другие шаги – предположение, что за смертью Алекса стоят навы, – задумчиво произнес Борис. – Возникает напряженность между Орденом и Темным Двором, которая, в свою очередь, может быть интересна людям.

– Принимается, – помолчав, сказал де Лаэрт. – У людов недавно поменялась воевода дружины Дочерей Журавля, и Ярина, вполне возможно, решила устроить какую-нибудь каверзу, дабы продемонстрировать королеве свою значимость.

– Я больше верю в подлость навов, – проворчал Иоганн.

– Борис?

– Если мы и в самом деле предполагаем хитроумную интригу, то я посоветовал бы делать вид, что мы ее не предполагаем, – рассудительно ответил фон Дорт. – Мы должны проводить расследование в обычном режиме: искать мотив и вычислять убийцу по тем данным, какие у нас есть. Любые другие шаги будут на руку нашим противникам.

– Мы говорим об Алексе! – не выдержал Иоганн.

– Хочешь сказать, что мне безразлична его смерть? – огрызнулся Борис.

Напряженный взгляд, напряженные позы... казалось, командоры войны вот-вот сойдутся в схватке. Гуго приготовился разнимать своих ребят, но, к счастью, у Иоганна хватило выдержки не развигивать скандал.

– Нет, не хочу. – Рыцарь помолчал. – Извини.

– Ничего, – глухо отозвался фон Дорт. – Я понимаю.

Каждый рыцарь, каждый боевой маг прекрасно знает, что может потерять близкого друга в любой момент. Каждый рыцарь, каждый боевой маг подсознательно готовится к этому, но всякий раз потери приходят вдруг. И бьют наотмашь. Словно издеваясь. Словно проверяя на крепость...

– Я тебя слышал, Борис, – медленно произнес Гуго. – И склонен согласиться с твоими доводами. Лишние предположения лишь усложняют картину, а потому будем искать настоящие доказательства... Будем искать убийцу.

И чуды, не сговариваясь, посмотрели на тело де Кантора, которое им предстояло отвезти в Замок. А потом встретиться со вдовой...

– Мы отомстим, – пообещал Иоганн.

– Обязательно, – поддержал напарника Борис.

– Клянусь, – закончил Гуго. Выдержал паузу, после чего повернулся к помощнику: – Нужно проверить всех человеческих магов подходящего уровня, их мало, так что сложностей не возникнет.

– Есть.

– Я же переговорю с людьми. Возможно, они знают о каком-нибудь самородке высокого уровня.

– Людям понравятся наши проблемы, – мрачно заметил Иоганн.

– Не сомневаюсь, – вздохнул де Лаэрт. – И сообщите челам, что они могут пользоваться своей парковкой, мы уходим.

* * *

Туристическая компания «Планета Люкс».

Москва, 2-я Брестская улица,

7 июня, вторник, 11:12

– Я никуда не поеду!

– Но...

– Никаких «но», Артурчик! Хватит!

Разбушевавшейся женщине было плевать на посторонних, на то, что чужие люди оказались в эпицентре семейной разборки и на то, что они подумают о «благородном» семействе. Женщина хотела высказаться, и не просто высказаться, а излить накопившееся за несколько лет возмущение, а потому ее не могла остановить такая ерунда, как свидетели.

– Три года, Артурчик! Целых три!

Глаза пылают, рот перекошен, тонкие холеные пальцы скривились, словно женщина готова пустить в ход наманикюренные ногти, и Даша машинально откинулась на спинку кресла, искренне надеясь, что ураган ее не коснется.

– Три года я терпела твои идиотские выходки, Артурчик! Три года мы ездили в отпуска только зимой, чтобы ты сполна насладился своими идиотскими лыжами! Три года я вела себя как дура, надеясь, что ты, наконец, подумаешь обо мне...

– Но, дорогая... – Несчастный муж попытался вставить хоть пару слов, но неудачно. Вошедшая в раж супруга не дала ему и шанса:

– Заткнись!

– Милая, здесь люди...

А здесь – горькая правда жизни!

– Три года псу под хвост! Я таскалась за тобой по всяким скалам и совершенно забыла, что такое загар!

– Солярый...

– Издеваешься? – взвизгнула женщина.

– Ты же сама говорила, что он полезнее солнца...

– Заткнись!

– Вера!

– Что «Вера»? Что?! Я хочу на море! Под пальмы хочу! На пляж!

Как ни странно, супруг попытался оспорить заявление любимой:

– Тебе же нравились лыжи... – Артур в недоумении развел руками. – И мы...

Однако попытка предсказуемо привела к еще одной вспышке:

– Тебе они нравятся, тебе! Все эти склоны, горы, подъемники, а главное – апрески до утра! А мне осточертело, понял? И теперь, когда у нас в кои-то веки появилась возможность слетать в отпуск в июле, я не собираюсь переться в Чили! Слышишь? Не собираюсь! Достаточно с меня гор!

Неладное Даша заподозрила в тот самый миг, когда парочка переступила порог кабинета. Холеная Вера, наряженная в модные тряпки, закупленные на миланских распродажах, держалась «с достоинством». То есть смотрела на всех встречных с презрительным высокомерием, свойственным аристократам в «надцатом» поколении и удачно выскочившим замуж рыночным торговкам. А вот в улыбке не менее холеного Артура крылась некая загадка, и Даша мгновенно

венно поняла, что любимую супругу ожидает сюрприз. Пару дней назад Артур, бывший постоянным клиентом агентства, звонил Даше и расспрашивал о горных курортах Южной Америки, на которых как раз начался сезон. В результате двадцатиминутного разговора выбрали Чили, о чем холеная Вера должна была узнать непосредственно в агентстве. «Дорогая, ты только посмотри, что мы с Дашей придумали!» – провозгласил счастливый Артур и даже не заметил, как сошлись на переносице тоненькие брови заподозрившей неладное женушки. «Удивительная красота чилийских гор...» Вот, собственно, и все, что успела произнести Даша. После слова «горы» Вера принялась верещать, словно обезумевшая сигнализация.

– Достаточно с меня гор! – повторила вскочившая на ноги женщина. – Только пальмы, ты понял? Море, пляж, песок и солнце! Или все!

– Что все? – растерялся Артур.

– Сам догадайся! Я не собираюсь тратить свою жизнь на карабканье по скалам!

– Мы катаемся!

– Заткнись!

И вылетела из кабинета, яростно хлопнув на прощание дверью. Артур виновато развел руками, пробормотал: «Извините» и торопливо последовал за взбешенной супругой. Даша вздохнула, закрыла все приготовленные файлы – судя по всему, Чили отменяется, – и потянулась.

В свои двадцать четыре года невысокая, стройная, но не худенькая девушка выглядела замечательно, как девятнадцатилетняя первокурсница. Круглое лицо, большие темные глаза, чуть вздернутый носик, маленький, изящно очерченный рот, густые каштановые волосы – Даша походила на хорошенькую куколку, однако те, кто с ходу отказывал ей в уме, совершали большую ошибку. За пряничным фасадом скрывалась сильная, целеустремленная натура, уверенно следующая по выбранному пути. В настоящий момент – по карьерному. Хорошее образование, железный характер, упорство и трудолюбие позволили Даше не просто устроиться в элитное туристическое агентство, клиентами которого становились лишь люди с очень толстой кредитной картой, но и быстро, всего за полтора года, пройти путь от рядового менеджера до начальника отдела. Казалось бы – все хорошо, жизнь устроена, но знающие девушку люди понимали, что это только начало. Останавливаться на достигнутом Дарья не умела.

– Идиотка, – прошипела вслед исчезнувшей клиентке Лиза. – В горах сейчас замечательно...

В руке Лиза держала какую-то бумажку, но Даша поняла, что подруга проскользнула в кабинет не по делу, а чтобы насладиться скандалом.

– В Чили, говорят, интересно...

– Чем?

– Хотя бы тем, что когда еще туда соберешься? А с курорта, чем черт не шутит, можно и на Огненную Землю смотаться...

– Вера отстаивала свою точку зрения, – пожала плечами Даша. – Имеет право.

– В любви приходится чем-то жертвовать. – Лиза поняла, что подруга не прочь поболтать, присела на стул и глубокомысленно закончила: – На то она и любовь.

В ее недлинной жизни настоящего чувства еще не было, однако Лиза не сомневалась, что знает о любви все.

– Жертвовать нужно, – согласилась Даша. – Но не постоянно.

– То есть?

– Вера мучилась три года, пора бы и Артуру пойти навстречу.

– Чем она жертвовала? – возмутилась Лиза. – Своим отпуском?

– Разве этого мало?

– Ты же ее видела: заурядная домохозяйка с претензиями. Ничего из себя не представляет, корова крашенная, а все туда же – командовать. Села мужику на шею и ножки свесила. И еще претензии выкатывает.

Лиза отчаянно завидовала таким вот «крашеным коровам», сумевшим прибрать к рукам завидных мужиков. Сама хотела бы сесть и ножки свесить, но пока не получалось – все кандидаты и слышать не хотели о свадьбе, а потому обсуждение удачливых соперниц было для Лизы одним из главных в жизни развлечений. И главным способом излить накопившуюся желчь.

– Она радоваться должна: мужик такое путешествие предлагает – в Южную Америку! Когда еще там побываешь? А эта дура истерики закатывает. Зажралась.

– Вера права, – ровно произнесла Даша.

– Неужели?

– Ты озверела бы еще раньше. Я ведь знаю, как ты к горным лыжам относишься.

– Я... – Лиза осеклась. Говорить о том, что она мечтает стать тихой и послушной женой, во всем потакающей мужу, было бессмысленно, и потому девушка решила перевести разговор в другое русло. Она чуть наклонилась вперед и доверительно произнесла: – Ты сегодня странная.

– Злая?

Прямой вопрос, заданный равнодушным тоном, еще больше смутил Лизу:

– Я этого не говорила.

– Но подумала.

– Извини.

– Ничего. – Даша вздохнула и повертела в руке авторучку. – Я не злая, просто...

Просто жара на улице нестерпимая, всего лишь начало июня, а уже под тридцать. Асфальт пышет жаром, бетонные коробки домов похожи на домны, и больше всего на свете хочется уехать подальше от раскаленного города. Как можно дальше. Уехать туда, где свежо и прохладно и где...

Нет, не только жара мучила Дашу последние дни. Не внезапно наступившее лето делало ее злой.

– У меня все в порядке.

– Это твоя обычная отмазка.

– А что делать, если так оно и есть? – поинтересовалась Даша.

– Не врать.

– Я не вру.

– Ну и ладно. – Лиза поднялась. – Обедать идешь?

– Чуть позже. Я найду.

– Договорились.

Лиза выскользнула из кабинета, а Даша вновь откинулась на спинку кресла, и со стороны могло показаться, что девушка вжалась в него, словно пытаясь спрятаться на широкой кожаной груди. Вжалась и задумалась, продолжая вертеть авторучку.

Главной проблемой успешной и целеустремленной Даши, карьерному росту которой завидовали все, без исключения, подруги, был Коля. Любимый мужчина. Но так уж, видимо, заведено: если в одном месте хорошо, в другом обязательно случится что-нибудь неприятное. Закон сохранения энергии, будь он проклят.

В последнее время Коля стал задерживаться на работе – два раза за прошлую неделю. Никаких других признаков назревающей проблемы не было, вел себя Коля как обычно, и Даша не обратила бы на его поздние появления внимания, если бы не разговор, что состоялся у них примерно месяц назад. На майские праздники они летали к морю, поселились в маленьком отеле, дни проводили на почти диком пляже, и вот там-то, когда они лежали на теплом песочке, разморенные и усталые после любви, Даша вдруг спросила Колю, как ему с ней живется?

Романтическая атмосфера предполагала романтический ответ, объятия и поцелуи, но услышала девушка совсем не то, что ожидала. «Трудно жить с идеальной женщиной, но я стараюсь», – с ухмылкой ответил Коля, глядя на море.

Если это была шутка, то не самая удачная.

Он старается.

Даша знала, что хороша. Может, и не идеальна, как выразился Коля, но хороша. Красива, умна, коммуникабельна, на работе все получается, о доме не забывает: в квартире порядок, каждые выходные готовит что-нибудь вкусненькое, горяча в постели...

А он «старается»!

Тот разговор не просто испортил Даше настроение, Колин ответ стал стеной, преодолеть которую у девушки пока не получалось.

Что не так? Неужели они добрались до стадии «жена не должна зарабатывать больше мужа»? В смысле, Коля еще не настоящий муж, то есть не официальный, но тем не менее – муж, вместе живут уже три года, и до сих пор все было прекрасно. Но теперь она начальник отдела, на хорошем счету у владельцев агентства, а Коля так и остался обычным программистом. Пусть и в приличной фирме, но звезд с неба не хватает, и вряд ли когда-нибудь станет ведущим разработчиком Майкрософт или Касперского. И даже собственная компания, пусть и маленькая, у него вряд ли когда-нибудь появится, потому что ему комфортно в офисе крупной фирмы.

Даша прекрасно знала, что ее любимый лишними амбициями не страдает, но этот факт ее вполне устраивал: двум акулам в одной лагуне не ужиться. Однако теперь возник другой вопрос: а устраивает ли Колю жизнь с энергичной и успешной женщиной? Кем он себя чувствует?

Телефонный звонок выдернул Дашу из нелегких раздумий. Несколько секунд девушка безразлично смотрела на подающее сигнал устройство, затем потянулась и нехотя сняла трубку:

– Да?

– Даша?

Очередной клиент.

– Да, это я.

– Мы созванивались.

Ну, разумеется: «мы созванивались». А имя свое мы называть не считаем нужным. Мы ведь «созванивались», а у менеджера, разумеется, всего один клиент – вы, самый важный, самый любимый... Сижу целый день на работе и думаю: когда же ты позвонишь, ненаглядный?

Претензии свои Даша не высказала, не дура, но многозначительную паузу выдержала, и сообразивший, что к чему, клиент понял, что нужно себя идентифицировать:

– Насчет Гренландии.

Что же их всех на снег потянуло? Впрочем, ничего удивительного, учитывая нынешнюю погоду.

– Круиз вокруг Гренландии, – уточнил клиент.

– Не совсем вокруг – вдоль.

– Да, я помню. Меня все устраивает, нужно встретиться.

– Надеюсь, ваша жена в курсе?

– Что?

– Извините, – опомнилась Даша. – Это я не вам. В какое время вы хотите подъехать?

* * *

Южный Форт, штаб-квартира

семьи Красные Шапки.

Москва, Бутово, 7 июня, вторник, 11:46

– Наполовину?

– Да.

– Ты спятил?

– Нет!

– Мля, хреновину несешь! – Единственный глаз Кувалды Шибзича, великого фюрера Красных Шапок, яростно вытаращился на провинившегося бойца.

Как большинство дикарей, Кувалда не отличался ростом, лицом отчаянно смахивал на гладко выбритую обезьяну – волосы на Шапках почти не росли, – и предпочитал одежду из черной кожи. Высокий статус одноглазого подчеркивало качество этой самой кожи – Кувалда заказывал одежду у шасов, «крокодиловатый» пояс с бляшками и расшитой кобурой, а также медальон на толстой золотой цепи, который великий фюрер стал носить несколько месяцев назад. Массивный медальон – на лицевой его стороне был выгравирован щит с мечом, а на обратной – штопор, Кувалде продал Урбек Кумар, главный в Тайном Городе скупщик краденного. Продал втридорога, поскольку одноглазый мгновенно признал в странной цацке величественный символ, и с тех пор медальон застрял на фюрерской груди.

– Фикую хреновину несешь, мля! – Кувалда совсем не произносил «д» – свойственная Шибзичам шепелявость была выражена у него необычайно сильно, однако придворные лизоблюды утверждали, что милый дефект лишь подчеркивает крутизну семейного лидера. – Не могла казна вполонину уменьшиться. Это бреф и префательство!

– В натуре, нет, – растерялся Полено, которому не хотелось прослыть ни сумасшедшим, ни бунтовщиком. – Я ничего такого не понимаю.

– Почему так мало осталось?

– Чего мало?

– Фенег, фубина! Откуфа их так мало?!

Ответа на этот вопрос у несчастного Полена не нашлось.

Как, впрочем, и во всех предыдущих случаях.

Раз в месяц доверенный уйбуй великого фюрера получал в Денежной Башне запечатанный конверт с финансовым отчетом о состоянии семейной казны и привозил его в Южный Форт – компьютерной связи семейный лидер не доверял. Затем Кувалда старательно изучал финальный лист документа – на процедуру уходило от десяти до пятнадцати минут, а после на Полено обрушивался длиннющий поток оскорблений и ругательств – одноглазый лидер никогда не оставался доволен увиденным.

– Откуфа такие расхофы?

– Четыре раза «Средство от перхоти» ремонтировали за семейный счет, – пробубнил Полено, с трудом припоминая главные траты. – Один раз капитально.

– Это еще почему?

– Буянят, – пожал плечами Полено, удивляясь про себя недогадливости великого фюрера.

– А почему раньше не буянили?

– Потому что раньше их Копыто вешал, – подал голос сидящий в углу Иголка. – Кто сильно буянил, того вешал, а кто тихо буянил, того заставлял за ремонт платить.

А напарник говорливого бойца, плечистый Контейнер, веско поддакнул:

– Угу.

И ухмыльнулся криво.

– Заткнитесь!

– Слушаемся, твое высокопревосходительство! – браво отозвались телохранители, однако фюреру послышалось в слаженном ответе какое-то ехидство.

– Языки у вас флинные.

– Виноваты, твое высокопревосходительство!

А не улавливающий скрытых смыслов Полено шумно почесал голову.

Копыто, бывший уйбуй Иголки и Контейнера, ухитрился крепко разозлить Кувалду, забыв поделиться с вождем добычей, и несколько месяцев пребывал в ссылке, скрываясь от обещанной петли то ли в Англии, то ли вообще неизвестно где. Пару дней назад Копыто набрался храбрости вернуться в Тайный Город и даже попросил об аудиенции, но давать ее или нет, одноглазый еще не решил. С одной стороны, лидер все еще жаждал поквитаться с дружаном за крысятничество. С другой... С другой стороны, Кувалда все чаще и чаще признавался себе, что недооценивал верного уйбуя, обладавшего сверхъестественным нюхом на всяческую измену и потрясающей способностью с этой самой изменой управляться. Порядка при Копыто было гораздо больше, и участвовавшие побоища в «Средстве от перхоти» наглядно это демонстрировали.

Что же касается Иголки и Контейнера, двух ближайших приятелей Копыто, то после изгнания уйбуя Кувалда назначил их своими телохранителями. И поступок этот только на первый взгляд казался странным: оставшиеся без десятки бойцы не протянули бы в Форте и двух дней – врагов у них было предостаточно, и теперь цепными псами защищали гарантирующего им жизнь фюрера.

– В общем, фенег в казне с гулькин нос, а фохофы пафают ежесекундно.

– Кризис, мля, – пожал плечами Иголка. – Везде плохо.

– А мне пофиг, что везфе, мне важно, что у нас.

– А у нас народ буянит. – Полено, сообразив, что гроза миновала, слегка осмелел. – Совсем не думает, что кругом кризис. Народ, он такой.

– Фругого у нас нет, – строго заметил Кувалда.

– Да уж, великим фюрером тебя больше никто не сделает, – хихикнул Иголка.

– Что?!

– Выразил тебе согласие, твое высокопревосходительство.

И опять – ехидство.

Иголка славился въедливым характером, даже Копыто, случалось, доводил до белого каления, а не вешали его по той причине, что боец частенько выдавал правильные мысли, нужные в тот самый момент, когда они выдавались. А поскольку с мыслями у Красных Шапок было не то чтобы хорошо, то есть – совсем плохо, Иголку приходилось терпеть. Но иногда осаживать.

– Распустился, мля?

– Да где уж мне?

– В моем кабинете!

– О! – Боец огляделся, словно видел помещение первый раз в жизни. – То-то я думаю: место знакомое...

– Прифурок! – Кувалда сплюнул, перевел взгляд на разбросанные по столу бумаги и с удивлением обнаружил чистый – ни отпечатков, ни пятен от пролитого виски – лист. Текст написан разноцветными фломастерами, заглавные буквы неумело украшены похожими на закорючки вензелями, и этот факт тоже не остался без внимания. – Вижу, с уважением составлено, мля. – Одноглазый взял письмо в руки и вслух прочитал выведенную красным «шапку»: – «Его Величайшему и Высочайшему Высокопревосхофительству, Вождю и Неизменному Кумиру Красношапочной Великой Нации, Героическому Победителю Всех и Всесемейному Лиферу, Великому Фюреру Кувалфе»... – Ширина довольной ухмылки одноглазого могла бы посоперничать с шириной раскинувшегося моря. – Учитесь, пофонки, правильному обращению, мля. – Великий фюрер потряс листом: – Сразу вифно, что прошение писал боец правильный, все ваще понимающий, оплот, мля, нашей великой семьи. Нафежный штык и тыл.

– Да не Штык это писал, а уйбуй Сосиска Гнилич, – презрительно протянул Иголка. – Они вчера в «Средстве от перхоти» всей десяткой письмо сочиняли. Сосиска даже руки всех вымыть заставил, чтобы не напачкал никто.

– И правильно заставил. – Кувалда полюбовался на разноцветное прошение еще несколько секунд, положил его на стол и осведомился: – О чем письмо?

– Машину просит, – доложил Полено. – Новую.

– Что за фигня? – не понял великий фюрер, ожидавший традиционной просьбы денег, виски или повесить старого недруга. – Какую еще машину?

– Ездящую, – уточнил боец. И, взяв в руки письмо, процитировал: – «Бедственное наше положение, о Великий Кумир Нации, категорически позорит меня, как верного соратника замечательного уйбуя Чемодана Гнилича, храбро сражавшегося во имя нашей Великой Семьи и лично тебя, Великого Кумира...»

– Ну, файте ему какую-нибуфь, – щедро распорядился фюрер, которому очень понравилось место про «Великого Кумира». – Пусть катается Сосиска, раз он сражался храбро.

– Он какую-нибудь не хочет, – сообщил Полено. – Он крутую тачку хочет.

– Крутую?

– «Модельку, я думаю, надо вот этого года или следующего, потому что на старье всяком западло ездить такому крутому уйбуу, как я. И еще надо, чтобы все внутри кожей было сделано, только не крокодиловой, а какой мягче, с начесом, наверное, и цвета светлого, патамушта девки любят. Еще чтобы все сиденья массировать умели, потому что я трижды ранетый в боях за светлое будущее нашей Великой Семьи и надо расслабляться. И еще чтобы машина снаружи вся из брони была, а внутри не только из кожи, но еще из дерева африканского, мне говорили, это круто, ну, ты понимаешь, Великий Кумир. И еще чтобы везде были DVD, потому что я люблю твои речи по три раза в день слушать, и еще Интернет тоже надо, чтобы я не пропустил твоих мудрых приказов каких-нибудь. И еще, чтобы тама холодильник был, потому что вискарь теплый – ваще не вискарь, а синюю штучку на крышу я сам прикручу, я знаю, где ее взять, а если хочешь, то и тебе тоже добуду...»

– Муфрых моих приказов не пропустить, это зачет, – проворчал Кувалда. – Правильный уйбуй фолжен всегфа быть на связи, потому что это по-современному и ваще мофернизационно.

Иголка, внимательно ожидавший реакции фюрера, удивленно крикнул, вызвав резонный вопрос фюрера:

– Чего не нравится?

– Модернизация, мля, это когда раньше на дело с кистенями ходили, а потом с пулеметами. И еще все ходили, никто не отлынивал, – храбро заметил Иголка. – А когда ты бабло в общак сваливаешь, а потом Чемодан и его колбаски с общака кормятся, это не модернизация, а хрень полная.

– Я тебе, фубина, про Интернет...

– А я про то, что за бронированными стеклами творится. – Боец мотнул головой на ближайшее окно. – DVD ему, мля, с массажем и холодильником!

– И деревом африканским, – поддакнул Контейнер.

– Ранетому, мля, – добавил Полено. – Я тоже много ранетый, но тачку крутую не требую. Неудовольствие преданных бойцов заставило одноглазого опомниться:

– Это, конечно, слишком – дерево тама, туфа-сюфа, и ваще. Бреф, мля! Пусть Сарфелька сам себе на новую тачку нагребит!

– Сосиска, – поправил фюрера Полено.

– Тем более! Пусть грабит, мля! Пусть покажет, что он не сарфелька.

– Вот он и грабит, – заметил ехидный Иголка.

– Кого?

– Того, кто не сопротивляется, мля. – Боец дерзко посмотрел на одноглазого. – Тама, на улицах, полиция человская тусит, да и сами челы не промах, многие при оружии ходят, пальнуть в ответ могут, вот Сосиска и решил, что тебя грабить проще.

– Ты не заговаривайся, мля.

– А я чо? Я, в натуре, верный, потому как мне податься больше некуда. – В последнее время Иголка частенько бравировал этим обстоятельством, заставляя фюрера слушать горькую правду. – Ты Чемодану тачку крутую подарил, которую он у тебя требовал?

– Не требовал, а просил, – поправил телохранителя Кувалда. – Униженно.

– Ага, конечно, – кивнул Иголка. – Тока тачку за двести штук униженно не просят. Ты ее подарил?

– Ну? – сдался одноглазый.

– А почему Сосиске нельзя, раз ты из казны семейной баблом фонтанируешь, как челы нефтью? Фигли Сосиска волосатый, что ли?

– Пасть захлопни, – посоветовал Кувалда. – А то я тебя, с твоей верностью, мля, по уши в асфальт закатаю.

– А что изменится?

– Офна макушка от тебя останется, вот что, мля!

– А для тебя чо изменится?

– А чо фолжно?

– Вот именно: ни хрена не изменится. Как из тебя Чемодан и его Гниличи бабло тянули, так и будут. Пока ты им не надоешь.

– Пасть захлопни!

Но Иголку понесло. Длинный его язык, плюс природная нелюбовь к Гниличам, заставили бойца напрочь позабыть об осторожности и рубить правду-матку в лицо лидеру:

– Почему Сосиска сам на крутую тачку не награбит? Потому что не хочет, мля! Хочет, чтобы ты его кормил!

– Вот именно, – встрял Контейнер.

– У всех бывают неуфачные фни, – неожиданно мирно произнес Кувалда.

– Чемодан уже давно в общак ничего не платит, – торопливо наябедничал Полено. – Гниличи ему добычу сносят, а тебе он говорит, что у него нет ничего. И еще просит, потому что ты даешь.

– Шлюхи фают, – отрезал Кувалда.

Подданные благоразумно промолчали.

– А Чемофан верный, – сообщил после паузы фюрер.

– Верные бабло тебе несут, а этот тянет только, – заметил Иголка.

– А помнишь, как фва месяца назаф Гниличи возбужнули? Помнишь? Кто тогфа Гниличей своих вешал, а? Чемофан и вешал.

Та междоусобица потрепала фюреру нервы. Началось все с сущей ерунды: в «Средстве от перхоти» повздорили две десятки Гниличей. Уйбуй Четверка, личность темная, и одноглазому никогда не нравившаяся, сцепился с уйбуем Сосиской, верным сторонником Чемодана. Слово за слово, выстрел за выстрелом, за каждым из Гниличей встали приятели, и той же ночью во дворе Южного Форта началась форменная война, смысл которой от удивленного Кувалды ускользнул. Бравый Чемодан спешно сообщил Национальному Лидеру о раскрытии кровавого мятежа и лично принял участие в его подавлении, заслужив горячую признательность одноглазого. Однако впоследствии въедливый Иголка не раз намекал, что выглядел бунт весьма подозрительно.

– Чемодан вешал только тех, кто против него бубнил, – выдал свою версию неутомонный боец. – И ваще неясно, было ли тама что супротив тебя или же он просто среди Гниличей первым делался, а Четверка ему мешал.

– У Гниличей, но не в семье.

– А тебе, твое высокопревосходительство, надо, чтобы среди Гниличей первый был?

Кувалда скривился. Но с ответом не нашелся, потому как чрезмерное возвышение какого-либо уйбуя грозило великому фюреру неприятностями, и тут Иголка был прав.

– Гниличи теперь тока Чемодана слушают, – проворчал Полено.

– А значит, его тово, гасить надобно, – произнес Иголка.

– Угу, – поддержал напарника Контейнер.

Но столь радикальное предложение вызвало у великого фюрера определенное сомнение. Конечно, в словах бойцов правды много, но если хитрый Гнилич и впрямь возвысился, то придавить его будет сложно. Потому что Шибзичи, так уж сложилось, всегда были самым малочисленным кланом Красных Шапок.

– Чемофан за меня, – вздохнул Кувалда.

– Раньше просто так был, – уточнил Иголка.

– А теперь?

– Теперь ты ему платишь.

– А он не бунтует. И Гниличам не фает. И рассказывает, кто из них бунтует.

– Он, между прочим, уйбуя Берданку позавчера шлепнул.

– Я разрешил.

– А Берданка против тебя не выступал.

– Он с Чемофаном поссорился.

– И Чемодан его убил.

– Главное, чтобы поряфок был.

– Чемодан свой порядок делает, а ты ему денег даешь.

– К чему клонишь, боец?

– Неправильно все идет, твое высокопревосходительство, – пожал плечами Иголка. – Чо непонятного?

– Учить меня взфумал?

– Рассказываю, чем все кончиться может.

– И чем?

Вместо ответа Иголка повернулся к приятелю:

– Вот скажи, Контейнер, ты бунтовать хочешь?

– Нет. – Здоровяк, а Контейнер был по меркам Шапок весьма высок, удивленно посмотрел на Иголку, а потом на Кувалду: – Ваще не хочу, мля, чтоб я лопнул. Честное слово.

– А если бы увидел, что если не бунтуешь, то тебе денег дают?

– Тогда другое дело, – ухмыльнулся боец. – Тогда надо...

– Вот видишь? – Иголка резко повернулся к фюреру и повысил голос, не позволяя одноглазому ответить: – Уйбуи наши соображают медленно, но скоро догадаются: раз ты Чемодану денег даешь, чтобы тот не бунтовал, они что, на помойке себя нашли? Тоже так себя поведут.

– А я на них Чемофана натравлю.

– А оно ему надо? Ты ему денег даешь, чтобы он не бунтовал, а на остальное он не подписывался. И слухи могут поползти...

– Какие?

– Что ты Чемодана боишься и потому денег ему даешь.

– На виселицу захотел?

– А помните, как неделю назад боец гниличевский Задире Шибзичу морду набил? – Полено влез очень вовремя, буквально спас Иголку от очередных угроз. – В казарме нашей набил, между прочим. Мы хотели разобраться, а Чемодан со своей десяткой притащился вооруженный и сказал, чтобы Гнилича никто не трогал. И все не пикнули. Вот и получается, что чемодановским бойцам можно лупить кого хошь, а нашим нельзя.

– Ты тоже заткнись! – рявкнул Кувалда. Другого ответа у него не было.
– Копыто надо возвращать, – протянул Иголка.
– Он изменщик и пофлец.
– Зато он четко чуял, кого надо вешать и когда.
– А я, типа, не чую?
– Ты, твое высокопревосходительство, нашу семью в светлое будущее ведешь, о великом думаешь и все такое прочее. – Иголка верноподданно посмотрел на великого фюрера. – А Копыто вешал тех, кого путь не устраивал. И все были довольны.
– А теперя?
– А теперя Гнилича свое мутят, Дуричи, глядишь, тоже взбунтуют, а с одними Шибзичами не удержишься, твое высокопревосходительство, как пить дать не удержишься.
– Разберемся. – Кувалда злобно посмотрел на Сосискино прошение, помолчал, а потом схватил лист, порвал его на несколько частей и повторил: – Разберемся.

* * *

Зона Кадаф.

Москва, Кремль, 7 июня, вторник, 12:09

«Все вы – подлые скоты. Самолюбивые и заносчивые колдуны, кичащиеся своими древними корнями. Нелюди, пришедшие на Землю тысячи лет назад... Если вы такие умные, сильные и смелые, то почему скрываетесь? Почему прячетесь от людей в московских закоулках, которые гордо именуете Тайным Городом? Почему не вернете себе то, что якобы принадлежит вам по праву: планету? Почему?»

Я знаю почему.

Потому что всей вашей магии и самоуверенности хватает лишь на то, чтобы задирать носы и презрительно именовать людей «челами». Потому что вы – слабаки, давно забывшие, что такое настоящая сила. Потому что будущее принадлежит нам, людям, а ваша участь – прятаться в темных подворотнях. А раз так, то нет вам уважения и почитания. Нет! Потому что недостойны... Потому что...»

Мысли путались.

Перепополняющие голову оскорбления не желали складываться в гладкие предложения, путеводная звезда пропала, и потребовалось несколько секунд, чтобы отыскать новую тему для проклятий.

«Но хуже всех – темные. Поганые навы, считающие себя элитой Тайного Города. Высокомерные мерзавцы, для которых люди – копошащиеся у их ног насекомые. Вы, древние уроды, наглые выскочки, ведущие себя как небожители. Проклятые... Недостижимые... Все жители Тайного Города относятся к вам с уважением, а люди... Люди склоняют головы раньше, чем вы на них посмотрите. Люди! Господствующая раса! Потомки тех, кто отправил нелюдей в резервацию! Когда-то гордые, а ныне... Прозябающие! Люди!»

– Но сегодня все изменится!

Последнюю фразу он произнес вслух и крепко сжал кулак. Машинально сжал, поскольку того требовала перепополняющая его ярость.

«Сегодня Темный Двор получит щелчок по носу... Да что щелчок – пощечину! И нанесу ее я! Сегодня все увидят, что нет в навах ничего необычного. Что они уязвимы, и что они смертны. Сегодня нава покарает «насекомое», «чел». Сегодня темные будут унижены, а сделаю это я. Я покажу, что навов не надо бояться. Я покончу со страхом, который они наводят. Я укажу путь!»

– И за мной пойдут другие!

В каждом Великом Доме Тайного Города хватало опытных воинов, поднаторевших в искусстве убивать. Во имя Дома, во имя семьи, во имя того, чтобы продолжали жить те, кто выжил в невероятных катаклизмах. И в каждом Великом Доме бережно хранили память о бойцах, бесстрашно защищавших свои семьи. Чтили их. Слагали легенды. Гордились.

Мало кто мог сравниться с людьми силой и физической мощью. Несокрушимые шеренги белокурых здоровяков издревле наводили страх на врагов Зеленого Дома, а их тяжеленные секиры с легкостью раскалывали толстые щиты и лучшие доспехи, отсекая пропустившим удар врагам руки и головы.

Потрясающей скоростью отличались хваны. Четырехрукие вассалы Великого Дома Чудь предпочитали легкие и острые мечи, тонкие, почти игрушечные на вид, но наносящие ужасные резаные раны. Хваны владели своим оружием с невероятным искусством, и их частенько сравнивали с опытными поварами, способными за доли секунды разделить на тонкие ломтики любую дичь.

Неудержимыми на полях сражений были боевые маги: рыжие рыцари Ордена и знаменитые Дочери Журавля, отчаянные воительницы Зеленого Дома. Не только оружием разили они врагов, но и заклинаниями, насылая яд, огонь и ужас...

Но...

Но были в Тайном Городе воины, которые превосходили всех. Чуть сильнее людов, немного быстрее хванов, на гран искуснее в боевой магии чудов и Дочерей Журавля. Навы, гарки Темного Двора, так их звали. Наследники несокрушимых легионов, сумевших стереть в порошок легендарных асуров, первых созданий Спящего. Не умеющие отступать, сдаваться и не выполнять приказы князя. Доблесть гарок вошла не в одну поговорку, и именно их выдающиеся качества были причиной того, что в охране зоны Кадаф, которую Великие Дома осуществляли на паритетных началах, присутствовал всего один темный – этого было достаточно.

– Как дела? – осведомился Дирга, скептически изучая неказистый бетонный прямоугольник, который челы для чего-то воткнули на землю древнего Кремля. Идиотское здание давно перестало раздражать нава, но, оказываясь в зоне Кадаф, он всякий раз находил его взглядом и чертыхался. – Происшествия были?

– Догадайся, – саркастически предложил Харуга. И тут же кивнул на хрущевский дворец: – Все никак не успокоишься?

– Лет через двести привыкну, – пожал плечами Дирга. – Если его к тому времени не снесут.

– Не нужно думать о челах лучше, чем они есть, – хмыкнул Харуга. – Разрушают они исключительно красоту, поэтому каменный сарай останется тут навсегда.

– На строительстве можно хорошо погреть руки.

– Подкинь эту идею какому-нибудь чиновнику.

– А как его потом остановить?

– Не знаю. Нужного заклинания еще не придумали.

Навы рассмеялись.

Согласно протоколу, смена должна была осуществляться в комнате дежурных, в присутствии хотя бы одного мага из другого Великого Дома, однако гарки испытывали уважение исключительно к законам Темного Двора, а потому встретились на улице, рядом с Кутафьей башней, и там же провели нечто похожее на официальную передачу смены.

– Так что с происшествиями? – вернулся к делам Дирга. – Совсем ничего не случилось?

– Люды перекрасились в брюнетов.

– Зачем?

– Со скуки.

– Понятно.

- Книжку взял?
- И очень толстую.
- Тогда продержишься. До встречи.
- До встречи.

Дирга отправился в дежурку, здороваться с коллегами, а Харуга медленно перешел через мостик и остановился на маленькой площади, бездумно разглядывая окружающих челов. Местные жители, решившие, наконец, своими глазами увидеть древний Кремль, гомонящие туристы, тычущие пальцами на стены и щелкающие фотоаппаратами, молчаливые иностранцы, напряженно вслушивающиеся в слова гида, визгливые дети, тянущие родителей прочь от раскаленных камней в тень Александровского сада или к фонтанам Манежки, торговцы сувенирами, полицейские... Челов было много, и каждый из них подвергался обязательному магическому сканированию – невидимому, неосязаемому, но тщательному. По соглашению, зона Кадаф была свободна от магии, и охранники внимательно следили за тем, чтобы внутрь не прошел переполненный энергией колдун или не пронесли заряженный артефакт. Собственно, серьезных попыток пробиться в запретную зону не было уже давно, связываться с Великими Домами охотников не находилось, а вот хулиганы встречались. Последний раз отличилась дерзкая человеческая ведьмочка, сумевшая не только обмануть охрану, но и избежать наказания. Харуга в провинившейся смене не работал, но разнос, что устроил гаркам Сантьяга, помнил хорошо, а потому даже сейчас, сменившись и собираясь покинуть зону Кадаф, продолжал машинально сканировать челов.

«Магов нет, артефактов нет... О чем я? – Харуга усмехнулся и потер лоб. – Хватит работать!»

Нужно завернуть в какую-нибудь кафешку и позавтракать. Или поехать домой...

Или...

Машина стояла неподалеку, на парковке для спецтранспорта, гордо подмигивая окружающим разрешительным документом на лобовом стекле. Идти до нее не больше двух минут, но Харуга неожиданно почувствовал желание создать портал и убраться от зоны Кадаф как можно быстрее. Куда угодно убраться, но лучше всего – в безопасное место, например, в родную Цитадель. Не домой, в надежно защищенную серьезными артефактами квартиру, а именно в Цитадель, в несокрушимую крепость, за могучими стенами которой можно выдержать любую атаку.

«Опасность?»

Харуга прекрасно понимал, что из ничего подобные ощущения не берутся. Развитое предвидение было одним из тех качеств, которые позволяли темным выживать гораздо успешнее конкурентов, и опытный воин мгновенно принял меры. Изготовился, почти сформировав боевой аркан, и еще раз очень и очень тщательно ощупал окрестности.

Ничего.

Ни одного колдуна в радиусе мили, кроме охраняющей зону Кадаф пятерки. Да что там колдуна – ни одного жителя Тайного Города поблизости, только заурядные челы. Ни одного артефакта, даже самого безобидного. Обычное оружие было только у тех, кому положено: у полицейских и сотрудников службы охраны. Есть, конечно, вероятность наличия скрытых артефактов, но чтобы их активизировать, требуется много времени, гораздо больше, чем уйдет на то, чтобы принять ответные меры.

Но ведь тревога откуда-то взялась? Становилась слабее, но не исчезала. Нашептывала: «Беги!», ввергая Харугу в недоумение.

Кто угрожает? Кто решил посостязаться с навом в поединке? И зачем? Войны сейчас нет, вторжение в зону Кадаф никому не нужно, а жестокость, с которой Темный Двор мстит за убийство своих подданных, заставляет отступать даже конченных психопатов.

Тем не менее...

Нав еще раз огляделся: магов нет, артефактов нет... и только тут сообразил, что среагировал не на действие, а на эмоции. В окружающей толпе находился некто, люто его ненавидящий. Безоружный, но обыкновенный чел, не сумевший сдержать эмоции. Необычайно яркие эмоции, возникающие лишь перед нападением.

– Однако... – пробормотал Харуга, не спеша рассеивать почти сформированный аркан.

Узнать, кто именно отправил волну ненависти, было почти невозможно: чувства похожи на облака, они скользят, не встречая препятствий, и породивший их чел мог сидеть в проезжавшей мимо машине. Или уже спускается в метро. Или заставляет себя думать о чем-то более безопасном.

«Ну и ладно...»

Харуга усмехнулся, постоял еще пару секунд, после чего направился к автомобилю – открывать портал при полном отсутствии опасности ему не позволила гордость.

«Кто-нибудь из Тайного Города, которому я прищемил хвост? Или террорист, принявший меня за сотрудника службы охраны? Последнее, кстати, наиболее вероятно: идиотов среди челов развелось огромное количество...»

Двигаясь к стоянке чуть более быстрым, нежели обычно, шагом, Харуга был абсолютно готов к бою, продолжал сканировать окрестности, надеясь обнаружить охваченного злобой чела, однако левую руку предусмотрительно держал в кармане, на «Дырке жизни». В своей силе нав не сомневался, но странность происходящего заставляла его нервничать. Харуга сделал все, что следовало, однако этого, увы, оказалось недостаточно.

Сорок шагов до машины.

Все в порядке. Эмоциональных всплесков нет. Противник не появился.

Тридцать шагов.

Тревога начинает рассеиваться.

Двадцать...

До машины оставалось всего двадцать шагов, когда оказавшийся за спиной нава чел бросил в урну недоеденное мороженое, резким движением свел перед собой руки и с силой расцепил их. Харуга не увидел врага, только почувствовал. В самый последний момент почувствовал опасность и даже стал поворачиваться... И даже надавил на «Дырку жизни», успев сообразить, что бой проигран.

И почти ускользнул.

Почти, потому что сутулый чел оставил жертве слишком мало времени. Даже для нава – мало.

– Мама!

– Fuck me!

– Помогите!

Но заголосили разноязыкие туристы зря – им ничего не грозило.

Вспышка зеленоватого света, яркая молния, мелькнувшая параллельно земле, короткий вскрик, черный вихрь, возникший и почти моментально растворившийся – все уложилось в секунду.

– Полиция!

– Что это было?!

Толпа колыхнулась, но лишь на мгновение. А в следующий миг ошеломленные люди поняли, что ничего не было. Что все вокруг спокойно, жизнь идет своим чередом, а полицейские лишь насторожились, лишь положили ладони на рукояти пистолетов, но даже с места не сдвинулись, поскольку не видели причин для беспокойства.

Сутулый мужчина неспешно шел к Моховой, а на другом конце города, в приемном покое Московской обители, ошарашенные эрлийцы таращились на потерявшего голову нава.

* * *

Отель «Марриотт».

Москва, улица Тверская, 7 июня, вторник, 12:24

- Кувалда? – недоверчиво переспросил Копыто.
- Кувалда, – серьезно подтвердил Ваня Сиракуза.
- Кувалда примет меня обратно?
- Обязательно.
- В семью?
- Да.

Они беседовали в гостиной роскошного номера – став миллионером, Копыто обзавелся дорогими привычками. В самом начале разговора распечатали бутылочку виски, однако насладиться любимым напитком уйбуу не удалось: едва он поднес к губам первый стакан, как Сиракуза огорошил его престранным заявлением.

– Мля, чел, да ты совсем с катушек съехал! – Копыто хлопнул себя по ляжкам. – Ты, в натуре, забыл, что Кувалда меня вешать желает, а? Я, конечно, фигню спорол, что забыл ему долю отдать, но что было, то было. А сейчас, в натуре, между нами все криво: он лопату ищет, чтобы меня закопать, а я – безопасное место.

– Но...

– И если бы я знал, для чего ты меня в Тайный Город везешь, ни за что не согласился бы, мля...

Дабы вернуть беглого уйбуу в Москву, Ваня пошел на обман: пообещал Копыто защиту Зеленого Дома и теперь, рассказав правду, получил ожидаемую реакцию – уйбуу запаниковал.

– Где патроны, мля? – Копыто перепрыгнул через диван и бросился к шкафу, в котором хранил дробовик. – Ты как хошь, Сиракуза, но живым я не дамся. И тебе не советую... – Уйбуу, успевший запихнуть в ружье пару патронов, неожиданно замер, пристально посмотрел на Ваню и предложил: – Слушай, а давай я тебя прямо сейчас шлепну, а? Типа, чтобы не мучился, во-первых, а во-вторых, за то, что ты меня на смерть верную приволок...

– Не дергайся, я все устрою, – спокойно произнес Сиракуза.

– Ты?

– Я.

– И каким же, мля, образом? – Копыто вернулся к подзарядке. – Чего ты устроить можешь кроме подставы такой?

Ваня тяжело вздохнул.

Молодой еще чел, лет двадцати пяти – тридцати на вид, он был невысоким, очень худым, если не сказать – тощим, и потому выглядел предельно безобидно, не воином и не бойцом. Узкое и маленькое лицо Сиракузы отличалось необычайной пластичностью: казалось, Ване даже говорить не нужно – его богатейшая мимика передавала любую фразу слово в слово. Второй же приметной чертой Сиракузы были длинные темно-русые волосы, настолько густые, что напоминали львиную гриву, не пойми для чего напыленную на маленькую голову.

Внешностью Ваня не удался, а вот умом его Спящий не обидел, что и позволило заурядному челу – даже не колдуну! – стать приметной в Тайном Городе личностью и вызвать интерес у иерархов Великих Домов.

– Короче, Сиракуза, знал бы я, что ты меня в Москву везешь, чтобы с Кувалдой дружить, ни за что не согласился бы, – заявил Копыто, с подозрением поглядывая в окно. – Где бронжилет?

Заряженный дробовик придал дикарю уверенности, и теперь его голос звучал менее визгливо, чем несколько секунд назад.

– Согласился бы, – уверенно ответил Ваня.

– Это еще почему?

– Разве я не вижу, что тебя сюда тянет?

– Меня?

– Тебя.

– Мля, чел, ты совсем дерево? Я ведь говорю: повесят!

– Может, и дерево, но глаза у меня есть.

– Э-э...

– И перестань разыгрывать из себя ковбоя, мы в центре города, вокруг полно челов, и твои сородичи не рискнут устраивать тут заварушку.

– Много ты знаешь, что они рискнут, а что нет. – Но, выдав эту реплику, Копыто помолчал, обдумывая заявление Сиракузы, хмыкнул, соглашаясь, вернул дробовик в шкаф, подошел к столику, плеснул себе полстакана виски, залпом выпил и повалился на диван. – Глаза, мля... Фигня это все – глаза твои...

– Так я не спору.

– И не увидишь в них ничего, если я не захочу.

– Конечно.

– А если так, то чего хрень всякую порешь?

– Показалось, что увидел.

– Показалось ему...

Ваня, воспользовавшись тем, что Копыто зарылся лицом в диванную подушку, широко ухмыльнулся, удобнее устроился в кресле и глотнул виски. Он знал, что рано или поздно уйбуй согласится с его доводами, и был готов немного подождать.

Номер выглядел на удивление хорошо, словно не Красная Шапка в нем остановился пару дней назад, а какой-нибудь законопослушный чел из какого-нибудь законопослушного Баден-Вюртемберга. Помотавшись по заграницам, Копыто слегка пообтесался, позабыл принятый в Южном Форте протокол и запросто мог закончить ужин не погромом, а уплатой счета. Изменения в уйбуйе проглядывали, но вряд ли они ему нравились. Скучно дикарю было, даже деньги не помогали. Скука рождала тоску, мучимый которой, он периодически воображал Южный Форт едва ли не Эдемом, в который ему позарез необходимо вернуться. Приступ проходил, уйбуй вспоминал о петле, твердил себе, что «в Тайный Город больше не ходок», но уже через несколько часов в его глаза возвращалась тоска.

– Ну, тянет меня сюда, допустим, маленько, – нехотя протянул Копыто после довольно длинной паузы. – Всех куда-нибудь тянет, мля, потому что жизнь такая – на одном месте сидеть ломает. Когда за мной Кувалда с петлей носился, меня в Англию тянуло, потому что я мужчина молодой, и на осине болтаться, как трюфель высушенный, ваще не жажду. А вот распробовал скукоту тамошнюю, так сразу взад потянуло из Англии этой... Родина, мля, хоть и с петлей, но своя. Родная, чтоб ее палкой перегнуло.

– Вот я и говорю, – поддакнул Ваня. – Дома веселее.

– В том, что меня наизнанку вывернут, веселого мало, – скривился уйбуй.

– Кувалда тебя как родного примет, – пообещал Сиракуза.

– В честь чего еще?

– В честь того, что на мели сейчас твой фюрер.

– Он что – баржа, что ли?

– Денег у Кувалды нет.

Сиракуза рассчитывал, что эта фраза все объяснит, но услышал в ответ ироничное фырканье:

– Мля, да у Кувалды никогда денег нет! И если бы он всякий раз, как его казна пустеет, с врагами взасос целовался, его бы не семьей командовать отправили, а гей-парадом.

– Разве ты фюреру враг? – притворно удивился Ваня. – Вы ведь дружбаны по жизни, ну, повздорили слегка, так ведь это ерунда, с кем не бывает?

– Враг я ему или нет, не знаю. Время прошло, опять же, вода утекла... – Копыто перевернулся на спину и уставился на потолок. – Только я вот что думаю: как только я в Форте засвечусь, Кувалда меня тут же повесит, а потом наследником себя заявит, и все мои доходы себе приплюсует. Я знаю, мля, я бы сам так сделал.

Сиракуза имел представление о нравах дикарей и прекрасно понимал, что уйбуй прав, однако отказ собеседника в планы Вани не входил.

– Но в семью ведь возвращаться надо, – проникновенно произнес чел. – Ты ведь по ней скучаешь.

– Скучаю, – подтвердил богатый уйбуй.

– Вот видишь.

– А по веревке я совсем не скучаю. И по ножу в спину тоже. И по молотком по башке. И по выстрелу...

– Ничего из перечисленного тебе не грозит.

– Ты сам себя послушай, мля. Не грозит! Ха! Еще как грозит, мля!

– Кувалда гарантировал твою безопасность.

– Гарантировал? Мля! Ну, тогда я спокоен, как «Титаник».

– Хватит! – Стенания Копыто вывели Сиракузу из себя. – Слушай меня внимательно: мы едем в Форт, ты не ноешь и не трясешься, потому что если дашь слабину, Кувалда тебя точно повесит.

– А если...

– Тихо! – Ваня нечасто позволял себе столь резко осаживать приятеля, а потому Копыто мгновенно умолк. – Фюрер тебя не тронет, и на то есть причины. Я их тебе называл, но раз уж ты забыл, повторю.

– Ничего я не забыл...

– Первое: Кувалда на мели, и наше предложение ему здорово поможет. Он это понимает, а значит, сразу тебя вешать не станет, подождет. А потом вы задружитесь и обо всем договоритесь.

– Нда-а... – с сомнением начал Копыто.

– Второе... – Сиракуза не позволил себя перебить. – Мы с тобой оказали конкретную услугу Сантьяге, и все об этом знают. Уверен, что одноглазый считает меня приятелем комиссара...

– А ты его приятель?

– Мля, молчи!

– Уже.

– Так вот, одноглазый считает меня приятелем комиссара и трогать не рискнет. А раз ты со мной, то и ты под защитой. – Ваня выдержал короткую паузу, надеясь, что ее хватит, чтобы слова проникли в мозг дикаря, и продолжил: – Третье: с нами будет Алех.

Став обладателем пусть и не самого большого в мире, но вполне приличного состояния, Сиракуза немедленно позаботился о безопасности и нанял надежного телохранителя, выбрав лучшего воина из возможных – пожилого хвана Алеха. Ваня знал, что боевые маги Ордена или зеленые ведьмы ни за какие деньги не подрядились бы охранять «какого-то» там чела, и даже не обращался к ним. Хваны тоже были разборчивыми, но тут помогли друзья, рассказавшие Сиракузе о сложной ситуации, в которую попал конкретно этот четырехрукий. Как и все хваны, Алех посвятил жизнь тонкому искусству заказных убийств, достигнув на традиционном поприще серьезных высот и... И не достигнув материального благополучия. Бедой убийцы

была страсть к азартным играм, причем страсть безответная: Алех игру любил, а вот она его не жаловала. В результате, четырехрукий оставил в казино почти все сбережения, и охотно согласился на щедрое предложение Вани.

– Ну да, Алех – это серьезно, – пробормотал Копыто, представляя, как въезжает в Южный Форт в сопровождении самого настоящего хвана, который его охраняет. И как все удивляются, а Кувалду и вовсе перекашивает. Картина показалась беглому уйбую настолько приятной, что по его физиономии сама собой расплзлась довольная ухмылка.

– Тогда поедem... – И очередной вопрос прозвучал без должного беспокойства, скорее так, ради проформы: – Так ты уверен, что меня не убьют?

– Уверен.

– И производство мы в Форте сумеем наладить? – поинтересовался Копыто, припоминая, чем именно Сиракуза собрался обольстить великого фюрера.

– Сумеем.

– А почему в Форте? Ты ведь говорил, что на одной только безопасности разоримся.

– Зато ты станешь главным семейным любимцем и авторитетом, – объяснил Ваня. – Любой ди... гм... любой соплеменник за тебя горло перегрызет.

– Кому?

– Кому скажешь.

– Это хорошо, – кивнул Копыто. – Я много на кого сказать могу.

– В таком случае составляй список.

* * *

Зона Кадаф.

Москва, Кремль, 7 июня, вторник, 14:14

– Проходите, проходите, не останавливайтесь... Лучше слева, там проход шире... Осторожнее на откосе, пожалуйста...

Высокий рабочий в комбинезоне, каске и оранжевом жилете помог пожилой немке обойти опасное место, за что удостоился дружелюбного «данке», и тут же повернулся к гиду, ведущему к Кремлю стаю галдящих китайцев.

– Вы ведь видите: ремонт. Неужели нельзя обойти?

– У вас постоянно ремонт! – огрызнулась женщина. – В одном и том же месте по сто раз в год копаете.

– А вы об одном и том же месте по сто раз в год сказки рассказываете.

– Нахал!

– Благодарю за сотрудничество, извините за доставленные неудобства.

На спине рабочего гордо красовалась надпись «Мосводоканал», а дежурил он возле обширной ямы, которую его коллеги огородили красными пластиковыми столбиками с натянутыми между ними веревками.

– Пожалуйста, будьте осторожнее!

Яма занимала весь тротуар, изрядную часть мостовой, и выглядела неуместным пятном на фоне чистеньких кремлевских стен и аккуратного газона Александровского парка.

– Надолго вы тут устроились? – подошедший полицейский угрюмо посмотрел на копошащихся в яме рабочих и вздохнул: – Меня служба охраны напрягает.

– Они и меня напрягали, – весело сообщил рабочий. – Точнее, шефа моего. Но что делать: грунт просел, асфальт ушел, хорошо еще, что никто не пострадал...

– Да, я знаю, знаю... – полицейский скорчил гримасу и вытер платком потную шею. – Закончите когда?

– Стараемся, господин майор, – пообещал рабочий. – Мы ведь понимаем: Кремль, президент, политика разная, туда-сюда, а яма всю картину портит. Не дай Бог переговоры какие возникнут, а тута глина...

– Вот именно, – многозначительно просипел полицейский. – Кремль – стратегический объект, между прочим. Туристы иностранные косяками ходят, люди большие на работу ездят, а вы со своей ямой.

– К пятнице закончим, – белозубо улыбнулся рабочий. – Наверное.

– К пятнице?

– А раньше никак нельзя – технология. Вы ведь не хотите, чтобы через неделю здесь еще одна яма выросла, правда? Нужно проверить все, узнать, откуда вода пришла, перекрыть ее...

– Всю ночь пашите, но чтобы к утру здесь этой дырки не было! – рявкнул полицейский. – Понятно?

– Понятно. – Рабочий перестал улыбаться и неожиданно холодно предложил: – Можешь взять вон ту лопату.

– Что?

Наглое предложение вывело майора из себя. Он уже успел получить нагоняй за мерзкую яму и только собрался транслировать услышанные ругательства на работягу, как... Как выяснилось, что у того тоже было дурное настроение.

– Я тебя...

И у полицейского перехватило дыхание. В груди закололо, на лбу выступила испарина, во рту стало сухо, словно нещадное солнце выжгло всю слюну, перед глазами поплыло, а четким оставалось лишь лицо рабочего. Его беспощадные черные глаза, вонзившиеся, казалось, в самую душу.

– Дирга!

Майор пошатнулся.

– Дирга, чтоб тебя Спящий покусал! Только этого нам не хватало!

– Извини, Ортега, извини.

Нав тяжело вздохнул, выпустил полицейского из магического захвата, подхватил под мышки и участливо осведомился:

– Что с вами?

– Со мной? – Несчастный майор с трудом ворочал языком. – Плохо...

– От жары, наверное, – с нехорошей улыбочкой предположил Дирга. – Сейчас в любой момент прихватить может, а у вас еще и возраст к тому же. И выпиваете наверняка... Пойдите в теньке посидите или в помещении кондиционированном, а мы уж тут сами постараемся.

– В теньке?

– Отличная мысль, господин майор, именно туда.

Чудом спасшийся полицейский послушно кивнул, развернулся и медленно заковылял прочь от ямы, которая... Которая существовала лишь в его воображении. И в воображении всех прочих челов, не обладающих магическими способностями. А вот те, кто умел смотреть сквозь морок, прекрасно видели и целехонький, без всяких признаков провала, асфальт, и стоящих посреди огороженной площадки навов.

Двух очень мрачных навов, одним из которых был сам Сантьяга – комиссар Темного Двора, высший боевой маг Великого Дома. Высокий и темноволосый, как все навы, Сантьяга был одет в элегантный белый костюм, шелковую сорочку, манжеты которой скрепляли запонки с крупными черными бриллиантами, неброский галстук стоимостью в небольшой автомобиль и модные туфли. Но светлый наряд совершенно не гармонировал с выражением лица комиссара, на котором застыла странная смесь ярости и скорби.

– Зига и эрлийцы еще раз проверили тело, – доложил Ортега, убирая в карман телефон. – Все подтвердилось: «Эльфийская стрела» третьего уровня. Точно в голову. – Пауза. – У Харуги не было и шанса.

– В затылок? – угрюмо уточнил Сантьяга.

– Убийца целил в затылок, но Харуга почувствовал угрозу и стал разворачиваться. – Ортега подошел к тому месту, откуда Харуга ушел в свой последний портал, и продемонстрировал комиссару описанное движение. – Одновременно он активизировал «Дырку жизни», видимо понял, что не успеет защититься.

– Но времени не хватило ни на бой, ни на бегство.

– Да.

Короткий ответ: «да», но как же много за ним стоит! Харуга не успел ответить, не успел увернуться, уйти в «Дырку жизни» – вообще ничего не успел. Ему элементарно не хватило времени, потому что нападение было внезапным. Доли секунды... А до этого – никаких признаков угрозы. Как такое возможно?

Сантьяга был реалистом и понимал, что навьи не всемогущи: порою их опережали, их побеждали в бою или магическом поединке, но обстоятельства смерти Харуги оказались слишком странными. Дирга клялся, что вокруг зоны Кадаф не было ни чудов, ни людов. Вообще магов не было, и артефактов – тоже. Любых артефактов, включая переносные «охладители», которыми спасались в жару жители Тайного Города. Артефакты отсутствовали по той простой причине, что во время убийства вокруг зоны Кадаф не было ни единого подданного Великих Домов. И портал к месту убийства никто не строил, единственный переход создал сам Харуга, перед смертью создал, пытаясь уйти в Московскую обитель.

Слова бесконечно расстроенного Дирги подтверждали другие дежурные по Кадаф, что в свою очередь означало... Означало, что идиотская версия, которую полчаса назад озвучил Зига и за которую был нещадно обруган, становится основной.

– Зига повторил, что Харугу убил чел, – произнес Ортега, словно прочитав мысли комиссара. – «Эльфийская стрела» была построена на магии Колодца Дождей, а характерные следы указывают на работу чела.

У Сантьяги едва заметно заострились уши.

– Чел?

– Да.

– Который опередил Харугу?

– Да.

В какой-то миг Ортеге показалось, что комиссар его ударит. Возможно, слегка, лишь обозначив презрение. Возможно – изо всех сил, давая выход накопившейся ярости. Ударит... Эта мысль была дикой, невероятной, но... Но она была. Потому что Ортега каждой клеточкой ощущал охватившее Сантьягу бешенство. Потому что пару минут назад сорвался Дирга, едва не угробив ни в чем не повинного чела. Потому что и сам Ортега с трудом сдерживал злость.

Убийство нава.

Наглое, циничное убийство, совершенное среди бела дня.

Это вызов.

Это боль, сожаление, горечь от потери друга, но при этом – вызов. И бесились навьи от того, что до сих пор не понимали, кто осмелился так унижить Темный Двор.

– Рассмотрим ситуацию, – негромко произнес Сантьяга. Он взял себя в руки, и Ортеге больше не казалось, что комиссар собирается драться. – Харуга идет к автомобилю... – Сантьяга в точности повторил путь погибшего. – Чувствует приближение человеческого мага и зарождающийся боевой аркан... Причем аркан активизирован рядом с зоной Кадаф, где использование магии строго запрещено. – Пауза. Черные глаза комиссара буравят помощ-

ника. – Тем не менее Харуга не успевает подготовиться и получает «Стрелу» в голову. Вас ничего не смущает?

– Харуга его не чувствовал, – буркнул Ортега. – Может, у него и были неясные ощущения, но он не видел врага до самой смерти.

– Совершенно с вами согласен. А что это означает?

– Чел необычайно быстр.

– За счет чего?

– Хороший вопрос, – развел руками Ортега.

Ответа у него не было.

– Вариантов, на самом деле, много, – медленно продолжил Сантьяга, – но у нас есть результаты исследования, в которых сказано... Ортега?

– Никаких лишних следов, – доложил помощник. – Чел создал самую обыкновенную «Эльфийскую стрелу» из самой обыкновенной энергии Колодца Дождей.

– И создал ее невероятно быстро. – Комиссар посмотрел на зубчатые стены Кремля, на осторожно обходящих «яму» челов, на ушлых репортеров, снимающих провалившийся асфальт для выпуска городских новостей, и поинтересовался: – Видеокамеры?

– Здесь их полно, но в этой точке существует небольшое «слепое пятно».

– Значит, нападение было спланировано.

– Согласен.

Убийца подготовился, все учел и не оставил следов. А раз не получается идти по следу, нужно ловить на мотив.

– Придется проверить все, чем занимался Харуга в последнее время. – Комиссар помолчал. – Включая его личную жизнь.

– Придется, – вздохнул помощник.

Колючие навы подобных вторжений не терпели, но Ортега понимал, что другого выхода у Сантьяги не было.

– Есть еще один нюанс, комиссар.

– Я слушаю.

– Харуга заступил не в свою смену. Вчера должен был дежурить Фрага, но они поменялись.

– Кто об этом знал? – быстро спросил комиссар.

– Никто. Фрага позвонил Харуге за час до смены.

– Странно, что вы назвали это нюансом, – удивленно произнес Сантьяга. – Этот факт меняет все.

– Все?

Комиссар повернулся к машине Харуги и прищурился:

– Мы всегда используем эту парковку?

– Да, – подтвердил Ортега. – Вон машина Дирги.

– И всегда проводим смену в одно и то же время...

Охранявшие зону Кадаф маги менялась по очереди: в полдень навы, в восемь вечера люды, в два часа ночи – чуды. Сделано это было для того, чтобы в любое время суток на посту находились свежие дежурные.

– И в начале первого Харуга идет по этому маршруту.

– Засада, – догадался Ортега.

– Засада, – подтвердил Сантьяга. – Вопрос в том, на кого: на Харугу, Фрагу или на любого нава?

– То есть? – растерялся помощник.

– Вы правильно слышали, Ортега, и я не оговорился. Если бы Харуга погиб после своей смены, это означало бы, что преступник охотился на него. Но сегодня по этому пути должен был идти Фрага.

– Убийца перепутал цели? – предположил Ортега.

– Нападение было спланировано, – повторил Сантьяга. – Убийца наверняка изучил жертву и не мог допустить столь глупой ошибки.

– У члов такое случается.

– Скорее он хотел просто убить нава. Любого.

Судя по всему, Сантьяга стал рассматривать эту версию в качестве основной.

– Психопат?

– Очень быстрый психопат.

– А что, если убийца следил за Харугой и знал, что тот поменялся?

– Если он следил, то почему выбрал для удара именно это место? Центр города, зона Кадаф... – Сантьяга покачал головой: – Нет, Ортега, нужно танцевать от места, а не от Харуги. Убийца знал, что каждый день в начале первого по этому тротуару гарантированно проходит нав. И потому нанес удар здесь.

– В центре города? Рядом с зоной Кадаф? – Ортега покрутил головой. – Вам не кажется, что вы сами себе противоречите?

– Мы проверим все версии, – пообещал Сантьяга. – Но мне кажется... – Он на мгновение задумался. – Ортега, вы читали сообщение об убийстве чуда?

– Письмо Лебона Кумара?

– Да.

– Читал.

Рыжие не афишировали гибель Алекса де Кантора, но шасы, арендующие помещения в башне «Мамонтов», уже донесли о преступлении. Великий магистр Ордена и королева Зеленого Дома не зря завидовали царящей в Темном Дворе дисциплине.

– Лебон писал, что рыжие подозревают чела, – припомнил Ортега. – Проклятье! Неужели...

– Придется переговорить с Гуго де Лаэртом, – усмехнулся комиссар. – Возможно, мы будем полезны друг другу.

– Хотите сказать, что в Тайном Городе объявился мститель?

Неожиданный вопрос заставил Сантьягу поперхнуться:

– Что?

– А почему нет?

– Вы смотрите слишком много комиксов, – недовольно заметил комиссар. – Или часто ходите в кино.

– Да нет, – потупился Ортега. – Просто раз уж мы подозреваем чела, я выбрал наиболее дурацкую версию. – И тут же попытался исправиться: – Провокация людов?

Учитывая, что подданных Зеленого Дома предполагаемый психопат пока не трогал, в словах Ортеги имелся определенный смысл. Однако и это замечание вызвало у комиссара скепсис.

– Сомнительно, крайне сомнительно, – покачал головой Сантьяга. – Любая провокация должна иметь смысл, которого я пока не вижу.

– Многоходовая интрига, призванная рассорить нас с чудами.

– Ярина хочет выслужиться перед Всеславой?

– К примеру.

– Не верится, но сбрасывать эту версию со счетов не будем. – Сантьяга поднял руку, и перед ним возник черный вихрь портала. – Скажите Дирге, что мы закончили.

– А что делать с ямой? – торопливо спросил Ортега.

– С ямой? – растерялся комиссар.

– С той, на которой мы стоим.

Замаскировать место происшествия под провал придумал Дирга, который первым примчался к месту убийства Харуги. Сначала идея показалась удачной – челы старательно обходили опасное место стороной и не путались под ногами, но что делать теперь? Держать всю ночь морок, изображая ход ремонта?

– Сделайте здесь настоящую яму и вызовите челов, – грубовато бросил Сантьяга. – Пусть развлекаются.

Глава 2

«Сенсация! Трагическое происшествие рядом с зоной Кадаф! Только что стало известно о дерзком убийстве нава прямо у стен Кремля! Подробности пока нет, сообщения с места трагедии противоречивые, мы пытаемся получить комментарии в пресс-службе Темного Двора, но безуспешно. Оставайтесь с нами...»
(«Тиградком». Экстренный выпуск)

«Провалившийся асфальт – теперь и в Кремле! Известная и надоевшая всем болезнь московских улиц добралась до самого центра. Сегодня в полдень, неподалеку от Кутафьей башины, на глазах у многочисленных туристов, на мостовой образовалась огромная, длиной не менее двадцати ярдов, яма. И лишь по счастливой случайности никто не пострадал. Коммунальные службы обещают ликвидировать этот позор в самые быстрые сроки, но, может быть, уродливая яма, возникшая рядом с президентским кабинетом, заставит нашего мэра...»
(«Вести-Москва»)

* * *

**Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки.
Москва, Бутово, 7 июня, вторник, 15:06**

– Ты броник надел? – поинтересовался Контейнер, с подозрением глядя на фюрера. – А то я знаю, ты не любишь.

– Нафел, нафел, – махнул рукой Кувалда. – Пошли.

– Хорошо надел? Все подтянул? – С тех пор как всезнающий Иголка растолковал ему, какую необычайную важность имеет живой фюрер для их благополучия, Контейнер утроил бдительность и, случалось, действовал одноглазому на нервы сильнее вьедливого приятеля.

– Не первый раз, мля.

– А горшок?

– Сам ты горшок!

– Надел, спрашиваю?

– Как спрашиваешь?! – возмутился фюрер.

– Вслух, твое высокопревосходительство. Надел?

– Мля, Контейнер, ты мне мама, что ли?

– Типа того, – серьезно подтвердил боец.

– Типа, пока ты жив, великофюрерское высочество, мы тоже живы, – встрял в разговор Иголка. – Так что мы тебе и мама, и папа, и даже бабушка, мля.

И клацнул дробовиком.

– Урофы.

– Какие есть.

– Лафно! – Одноглазый понял, что телохранители не отстанут, и стянул шелковую бандану, продемонстрировав спрятанный под ней металлический колпак. – Сойфет?

– Типа того, – кивнул Контейнер. – «Дырку жизни» приготовил?

– Заткнись! – Фюрер вернул бандану на место, вздохнул и приказал: – Впереп!

Контейнер снял автомат с предохранителя и встал возле двери.

– Приготовились.

Палец Иголки лег на спусковой крючок.

Когда-то давно Кувалда проводил совещания с уйбуями за длинным столом своего кабинета, допуская их, так сказать, в святая святых, к самому хранилищу наличной части семейной казны. Однако последний бунт, в ходе которого неблагодарные сородичи едва не прибили одноглазого, вдребезги разнесли его резиденцию и серьезно повредили знаменитый на весь Форт сейф, заставили фюрера пересмотреть правила проведения совещаний. Теперь уйбуи собирались в подвальном помещении главной башни, низкие потолки которого производили на верноподданных гнетущее впечатление. К тому же вытянутый зал напоминал тир, а для усиления эффекта Кувалда распорядился развесить в дальнем торце помещения мишени, намекая, что шутить его телохранители не будут.

– Что-то они буйные сегофня, – встревоженно протянул фюрер, прислушиваясь к доносящемуся из-за двери шуму.

– Может, гранату туда швырнем? – предложил ехидный Иголка. – Для начала, так сказать?

Идея, в целом, одноглазому понравилась, он едва не кивнул, разрешая телохранителю «начать разговор», но вовремя опомнился:

– А с кем я совещаться буфу?

– С кем останется. – Боец зевнул. – Уйбуев много, а если тебе покажется, что их мало стало, еще призовем. Дураков еще больше.

– Нет, гранату не нафо, – отверг Кувалда заманчивое предложение. – Но фержи ее поближе, мало ли?

– Я лучше из дробовика, гранатой ить самому пораниться можно.

– Тоже правильно, – одобрил фюрер и кивнул Контейнеру: – Фавай.

Телохранитель приоткрыл дверь, и донеслось:

– Сука!

– Кто-нибудь! Спасите!

– Сука!

– На помощь!

– Хорошо, что у них оружия нет, – прокомментировал происходящее Иголка. – А то бы уйбуя-другого недосчитались.

– Лучше бы гранатой, – проворчал Контейнер.

– Объявляй, – прошипел Кувалда, недовольный тем, что его не замечают, и боец завопил:

– Дорогу великому фюреру!

Но услышан не был.

В ожидании совещания уйбуи развлекались традиционным способом: устроили потасовку. Сначала, увидев мельтешащих подданных, одноглазый решил, что они пошли стенка на стенку, но вскоре понял, что ошибся: бились двое. Причем, собственно драка уже закончилась, и теперь уйбуи Чемодан Гнилич добивал валяющегося на полу Огрызка Шибзича ногами. Остальные же уйбуи, чье мельтешение и ввело фюрера в заблуждение, вели себя по-разному: Гниличи подбадривали Чемодана, Дуричи радовались зрелищу, а Шибзичи отводили взгляды.

– Хватит! – рявкнул Кувалда и, как ни странно, сумел перекрыть царящий в зале шум.

Уйбуи притихли, но здоровенный Гнилич – а Чемодан был необычайно высок и толст для Красных Шапок, – продолжал избивать Огрызка.

– Хватит!

Никакой реакции.

На физиономиях Гниличей стали появляться блудливые усмешечки. Заметивший их Кувалда побагровел, а потому Иголка, спасая положение, пальнул из дробовика в потолок.

Грохот выстрела заставил уйбуев съежиться, а Чемодан, молниеносно прекративший избивать Огрызка, развернулся к одноглазому и расплылся в раболепной улыбке:

– О, мой кумир! – На Гнилича сыпалась штукатурка, но он не обращал на нее внимания. – Да здравствует лидер нации! Ура!

– Ура! – нестройно поддержали патриотический призыв уйбуи.

Фюрер задрал нос, а Иголка скривился.

– А чего это холуек твой в меня стволом тычет? – елеинным тоном осведомился Чемодан, злобно глядя на Иголку. – Ужель я провинился, мой кумир?

– Пока нет, но мог бы, – важно произнес Кувалда и строго покосился на Иголку. Боец с видимым сожалением опустил дробовик.

– Да как бы я смог перед тобой провиниться, мой кумир? – заискивающе произнес Чемодан. – Всегда иду по жизни с твоим именем, всегда твои приказы на лету схватываю. Верю в тебя и в победу твою. В единую и несокрушимую нашу семью...

– Он первый начал, – проныл поднявшийся с пола Огрызок. – Первый!

И принялся размазывать по физиономии кровь и сопли.

– Меньше болтать надо! – рявкнул Чемодан.

Избитый уйбуй испуганно вздрогнул, но нашел в себе силы продолжить:

– Я не болтал! Я правду сказал.

– Ты нагло врал, сволочь!

– Все знают, что вы трусы! – завопил Огрызок, медленно сдвигаясь ближе к вооруженным телохранителям фюрера. – Все знают! – И повернулся к Кувалде: – Я тут припомнил в разговоре, как Гниличи от чудов бежали...

– Не хрена припоминать, мля! – заорал разъярившийся Чемодан. – Гниличи никогда ни от кого не бегали, мля! Все бегали! Шибзичи! Дуричи! А Гниличи – нет!

Заявление, мягко говоря, прозвучало странно. Стремительное бегство с поля боя Красные Шапки почитали вторым по важности маневром после организованного мародерства, а потому уйбуи, даже предельно лояльные Гниличи, посмотрели на оратора с недоумением.

– Мне батяня в детстве рассказывал о смелости гнилической, – продолжил разгоряченный Чемодан, не обращая внимания на удивление окружающих. – Рассказывал, как пришла война страшная в Западные Леса, как ворвались в наши исконные вотчины злобные чуды на конях единорожных и как бежали в Тайный Город Шибзичи с Дуричами... Все бежали! Даже Гниличи ушли, поскольку не было возможности сражаться с дикими рыжими племенами. Но остался в одной деревушке храбрый воин. «Идите, – сказал он друзьям своим. – Детей спасайте и родственников. И сами спасайтесь! А я вас прикрою». И остался один. И когда ворвались в деревню чуды злобные, стал храбрый воин с ними биться-сражаться. Копье у него сломалось первым, потом сабля верная пополам треснула, потом нож закадычный затупился, а чудов все прибывает да прибывает. Одни мертвыми валяются, другие им на смену. И стал тот воин камнями в них бросать метко. Один дом разобрал на камни да все покидал. Второй разобрал. Испугались тогда чуды, осадой деревню обложили. А воин их обманул и ночью ушел. Звали его Чемоданом, что значит: «Тот, кто и камнями дерется даже!», и меня в его честь батяня нарек.

– Брехуном твой батяня был, – не выдержал Иголка.

– Брехуном? – Чемодан побледнел. – Может, повторишь?

– Брехун, брехун, брехун. – Боец нехорошо ощерился. – Хватит? Или повторить после того, как ты уши почистишь?

– А без дробовика повторишь?

– Без дробовика мне в тебя целиться неудобно.

– Великий фюрер! – Чемодан повернулся к Кувалде. – Кумир мой и лидер! Ты видишь, как холуек твой меня изводит и провоцирует! Заткнуться ему вели, чтобы я его не убил случайно, гнев твой вызвав!

– Убивалку не поцарапай, – посоветовал Иголка.

Огрызок зло засмеялся.

– Да я тебя...

Второй выстрел заставил Чемодана замереть. Белый от ненависти и штукатурки Гнилич несколько секунд сжимал и разжимал кулаки, после чего вновь обратился к одноглазому:

– Надо бы тебе, мой кумир, великий указ издать за клевету. Так прямо и написать: кто скажет, что Гниличи...

Кувалда поднял брови.

– Если кто скажет, что Красные Шапки – трусы, – поправился Чемодан, – то надо бить того лжеца до потери сознания, а потом еще штраф накладывать.

– Гм... – Идея насчет штрафа одноглазому понравилась. К тому же она позволяла плавно перейти к главной теме совещания.

– Я пофумаю, – важно процедил фюрер. – А теперь сафись на место и буфем говорить про феньги, а то мне скоро обефать пора.

– Про деньги! – оживился уйбуй Шпатель Дурич. – Давай про деньги, а то все драки, драки...

И уйбуи молниеносно расселись по местам, чем изрядно озадачили Кувалду.

Обязательной программой каждого совещания было обсуждение плачевного состояния семейной казны. Великий фюрер бесился и требовал денег в общак, уйбуи невнятно огрызались и жадничали. Эту часть совещаний никто не любил, а потому проявленная подданными ретивость настораживала.

– Итак, феньги... – Одноглазый повертел в руке извлеченную из кармана распечатку. – Фенег в казне столько, что лучше никому об этом не рассказывать, чтобы не засмеяли.

– Пусть только попробуют! – воинственно выкрикнул Чемодан, сорвав жидкие аплодисменты сторонников. – Мы им так засмеем, что утомятся по врачам бегать.

– Точно!

– Пусть только сунутся!

– Ишь, чего удумали: над нами смеяться!

– Ты только скажи, великий фюрер, кто над нами потешается – сразу уроем.

– Гниличи лучшие!

– Кому надо, всем наваляем!

– Только денег сначала дай, – невинно заявил Шпатель.

– Что?!!

Великофюрерский рев заставил уйбуев заткнуться. Гниличи притихли, Дуричи вжались в стулья, Иголка нехорошо улыбнулся, а Шпатель, оказавшийся под прицелом единственного глаза Кувалды, побледнел.

– Что ты сказал?

Великий фюрер славился крутым нравом, в противном случае он попросту не удержался бы на посту, однако ошибки последних месяцев сделали свое дело: авторитет одноглазого пошатнулся.

– Нам денег на боеприпасы надо, – сглотнув, заявил Шпатель. – И два мотоцикла купить надо еще, потому что лето, а на мотиках обдувает клево.

– Бах, – сказал Иголка, имитируя выстрел.

Дурич вздрогнул, но остался на месте, под стол не полез, на Иголку даже не посмотрел, продолжая держать взгляд Кувалды. А фюрер, к изумлению бойца, стрелять не приказал. Вместо этого одноглазый вновь обратился к грязному листу, отыскал нужную строчку, сдвинул брови и грозно посмотрел на Шпателя:

– За прошлую нефелю твоя фешетка ни копейки в общак не внесла.

– Так не сезон, твое великофюрерское, – со всем доступным ему сейчас нахальством ответил Шпатель. – И челы ваще обнаглели, охрану всюду ставят.

– Как раньше, не пограбишь, – подал голос еще один Дурич.

– И полиция лютует, а нам режим секретности нарушать нельзя.

– Только стрельбу затеешь, сразу мороком закрываться надо. А где морок взять? Тока из артефакта, а артефакты денег стоят.

– Вот и потратились.

– Обнищали.

– Совсем прибыли нет.

– Вкладываться в нас надо, денег давать, тогда мы денег приносить станем.

– Политэкономия, – важно подытожил Шпатель вопли сторонников. – Ты нам денег сейчас даешь, а мы тебе потом. Как награбим. Сколько не жалко. Я вот тутa списочек набросал, сколько нам на первое время надо...

– Как же вы раньше обхофились? – зло поинтересовался Кувалда, не глядя на «списочек».

– Раньше легче было.

– Трава зеленее.

– И ваще проще.

– А теперь сложно стало. – Шпатель сделал шаг к Кувалде, чуть склонился и, хитро шурясь, добавил негромко: – Народец стал неспокоен.

– Так успокой, – предложил улыбающийся Чемодан. – Вот Гниличи у меня нормальные. Вполне себе спокойные, все в адеквате.

– Это потому что Гниличам твоим денег дают, – заметил Шпатель, продолжая тарашиться на фюрера. – А нам еще нет.

– Нам не за просто так дают, – пояснил Чемодан.

– Как это – не просто так?

– Потому что Гниличи наиболее пострадавшие в последний раз.

– Когда это вы пострадавшие?

– Нам больше всех досталось!

– Когда?!

– Заткнуться не хочешь? – Чемодан сообразил, что раскрасневшийся Кувалда находится на грани срыва, и обратился к фюреру. – Но мы, хоть и пострадавшие, все равно искренне верим в идею великой семьи Красных Шапок! И в мудрость нашего великого фюрера, моего кумира, Кувалды Шибзича!

Уйбуи, знавшие, что будет за проявление, точнее, не проявление должного патриотизма, хором поддержали хитрого Гнилича:

– Мы тоже верим в мудрость Кувалды!

– Но Гниличи верят больше всех, – веско подчеркнул Чемодан после того, как стихли возгласы. – Мы больше всех любим нашего великого фюрера и моего кумира! Уж не знаем, как прославить в веках твое имя! И потому решили назвать в твою великофюрерскую честь самый длинный коридор нашей казармы! Путь Кувалды! Все Гниличи, в едином порыве решили так назвать!

Одноглазый порозовел от удовольствия.

– Мы даже таблички уже привинтили, потратились, стало быть, – продолжил разливаться Чемодан. – Но это ерунда, потому что под предводительством нашего великого фюрера и моего кумира семья пойдет к процветанию и миру.

– Все верно говоришь.

– Я тутa посчитал, сколько нам надо на модернизацию казармы. Все по-честному, даже проверить можешь.

– Я... – Кувалда поймал злые взгляды остальных уйбуев, и слова застряли в глотке. – Фавай, Чемофан, маляву, а я о ней пофумаю.

– Хорошо, подумай, – легко согласился Гнилич. – Но только ты хорошо подумай, мой кумир, дело-то я предлагаю правильное. Модернизировать наш Форт надобно, и срочно модернизировать, а то живем, как в каменном веке, мля.

– Я сказал, что пофумаю. – Кувалда обвел уйбуев тяжелым взглядом.

Улыбающийся Чемодан, чуть менее довольный, но тоже не грустный Шпатель и сумрачные Шибзичи, уйбуи родного фюрерского клана. Шибзичи оставались единственными, кто продолжал наполнять общак оговоренными деньгами, но как долго сородичи будут оставаться верными?

– Мы верим в тебя, мой кумир!

– Да здравствует великий семейный лидер! – поддакнул Шпатель, освоивший, наконец, правильную линию поведения.

Но в ушах одноглазого звучали совсем другие слова: «Дай денег!» И замечание ехидного Иголки насчет того, что Дуричи рано или поздно сообразят, как нужно себя вести. Сообразили, получается, и что теперь будет, даже Спящий не скажет.

– Пошли все вон! – угрюмо приказал Кувалда. – Если через фва фня не внесете в общак положенное, пеняйте на себя.

Однако в глазах уйбуев не появилось ни страха, ни обещания платить. Семья стремительно распадалась.

– А я говорил, – напомнил Иголка, крепко заперев за подданными дверь.

– Заткнись.

– Уже заткнулся, – кивнул боец. – Тока от затыкания моего ничего не поменяется. Борзеют уйбуи, ежу понятно.

– Ты меня ежом назвал? – возмутился Кувалда.

– А тебе понятно? – дерзко поинтересовался в ответ Иголка.

– Мне понятно, что вешать тебя нафо за флинный язык.

– И кто у тебя за спиной с автоматом встанет? Чемодан, что ли?

– Чемофан – верный.

– Верные деньги приносят, а не воруют.

– Он не ворует, он просит.

– Если бы он сначала приносил, а потом просил, тогда так. А ежели не приносит, но требует, значит, ворует.

– Мля, Иголка, как тебя Копыто терпел, а? Почему не шлепнул при рожфении?

– Потому что Копыто, мля, понимал, что я дело говорю. – Иголка поразмыслил и самокритично добавил: – Не всегда, но часто. – Посмотрел на угрюмого фюрера, присел рядом и негромко, чисто по-дружески, предложил: – Давай я Чемодана завалю, а?

– Или я, – так же негромко произнес Контейнер. – Мне Чемодан не по нутру.

– Не нафо, – мотнул головой Кувалда.

– Почему?

Великий фюрер пристально посмотрел на телохранителей, поморщился и честно ответил:

– Потому что время я упустил, бойцы. Поимел меня Чемофан, понятно? Сначала песни мне пел, кумиром называл, а теперь Гниличей всех поф себя пофмял и забурел. Если я его сейчас кончу, против меня весь клан пофнимется, и буфет в Форте война.

– В первый раз, что ли?

– Фуричи тоже против пойфут. – Кувалда почесал подбородок. – Они тоже все просекли.

– И что делать? – растерялся Контейнер.

– А фелать нафо так, чтобы Гниличи и Фуричи не против меня пофнялись, – протянул великий фюрер. – Или не только против меня.

– Как это?

– Им фругой враг нужен.

– Хитро, – одобрил Контейнер.

– Поэтому я и фюрер. – Кувалда стянул бандану и осторожно потрогал не приготившийся колпак. – Потому что умный.

– Тебе с Копыто надо мириться, умный, – буркнул Иголка. – Копыто Шибзичей воодушевит.

– И феньги у него есть, – добавил одноглазый, разглядывая снятый колпак. – А феньги мне нужны.

– Вот именно.

* * *

Замок, штаб-квартира Великого Дома Чудь.

Москва, проспект Вернадского,

7 июня, вторник, 16:37

Если верить толстым справочникам, путеводителям, информации из мэрии, налоговой службы, градостроительного комитета, полицейского управления, прочих всезнающих московских организаций и, наконец, собственным глазам, можно сделать вывод, что три высокие башни, стоящие в самом начале проспекта Вернадского, принадлежат компании «Чудь Inc.». О чем, в том числе, свидетельствовала массивная золотая табличка у мощных ворот. Эта огромная фирма вела успешный бизнес по всему миру, зарабатывая, на радость акционерам, изрядные дивиденды, и честно выплачивала налоги, что делало ее любимицей московских и федеральных властей. Штаб-квартира соответствовала солидной репутации: здания в идеальном состоянии, окружающий ландшафт, придуманный отрядом талантливых дизайнеров, радует глаз, а стоящие на парковках автомобили были или дорогими, или очень дорогими, или же стоили целое состояние.

А потому въехавший на территорию «Чудь Inc.» «Бентли» выглядел здесь более чем органично.

Машина остановилась у главного крыльца центральной башни, выскочивший шофер распахнул дверцу и подал руку, помогая выйти из салона красивой женщине лет сорока, облаченной в изысканное, но довольно строгое платье бордового цвета.

Оказавшись на улице, она с легкой улыбкой оглядела башню, словно приветствуя давно покинутый дом, но уже через секунду стряхнула с себя сентиментальность и задумчиво протянула:

– Похоже, меня не ждали...

– Алиция, как ты могла такое подумать?!

Женщина произнесла фразу очень тихо, отозвавшийся мужчина только выходил из дверей, был в тридцати шагах, но расслышал каждое слово – как и любой боевой маг, Гуго де Лазерт обладал тонким слухом, отличным зрением и великолепным обонянием.

Он быстро подошел к женщине, склонился и церемонно поцеловал ей руку.

– Рад тебя видеть.

– Не уверена. – Она улыбнулась выпрямившемуся рыцарю.

– Потому что я опоздал на пару мгновений?

– Потому что у тебя грустный и отсутствующий взгляд, – мягко ответила Алиция. – Я не вовремя?

– Мы всегда рады видеть тебя в Тайном Городе.

– Но на этот раз мой визит совпал с печальными событиями.

Де Лаэрт помрачнел.

– Ты уже слышала?

– Разумеется. – Женщина тяжело вздохнула: – Бедный Алекс...

– Мы отомстим.

– Не сомневаюсь. – Алиция выдержала короткую паузу. – Я приехала в Замок прямо из аэропорта, именно для того, чтобы выразить соболезнования.

– Спасибо.

– Я и мои сестры... Если потребуется, мы сделаем все, что угодно. Ты только дай знать. Теперь улыбнулся Гуго. Невесело, но улыбнулся. И отрицательно покачал головой:

– Думаю, мы справимся сами.

Они медленно поднялись по ступеням и вошли в огромный холл первого этажа, который абсолютно не соответствовал современному внешнему виду здания. Пол покрывали грубые плиты, стены были выложены камнем, перехваченным тяжеленными дубовыми балками, и украшали их не какие-нибудь картины, а настоящие гобелены, изображавшие великие подвиги лихой Чуди. Изнутри три высокие башни являлись рыцарским замком, буквально сошедшим со страниц романов о короле Артуре.

– Я планирую провести несколько мероприятий, – продолжила Алиция. – Буду рада тебя видеть.

– К сожалению, не увидишь, – вздохнул Гуго. – Расследование станет моим единственным мероприятием на ближайшее время. Я не стану развлекаться до тех пор, пока не изловлю гада.

– Прекрасно тебя понимаю.

Несмотря на средневековый антураж, в башнях были установлены лифты, однако Гуго и Алиция ими не воспользовались. По широкой парадной лестнице они поднялись на второй этаж и, неспешно пройдя по освещенному факелами коридору, остановились у ведущих в кабинет великого магистра дверей.

– У тебя пятнадцать минут, – предупредил де Лаэрт. – Франц очень занят.

– Я не рассчитывала и на это, – улыбнулась женщина.

Гуго кивнул, распахнул двери и сообщил:

– Великий магистр, к вам баронесса фон Цюллер-Биллер!

* * *

Муниципальный жилой дом.

Москва, Измайловский проспект,

7 июня, вторник, 20:02

– И все же, несмотря на невиданную свою силу и магию, на древние корни и удивительные способности, они не так уж и сильно отличаются от нас. Или мы не так уж сильно отличаемся от них, если вспомнить, что обитатели Тайного Города пришли на Землю гораздо раньше людей.

Их взгляды, чувства, отношение к долгу и чести – такие же, как наши. Словно Спящий, наделив своих детей разумом, одновременно привил нам сходное мировоззрение, навсегда определив, что белое, а что черное. За что уважают, а за что презирают. Кто может зваться героем, а кого проклянут.

– Мы рисуем нашу жизнь одинаковыми красками, – пробормотал ссутулившийся на лавочке мужчина. – Смешно, если вдуматься...

С другой стороны – ничего смешного. Когда-то челы тоже владели магией, может, не так хорошо, как навы или асуры, но достаточно, чтобы захватить власть на Земле, отправив древние расы в Тайный Город. Челы это совершили, но впоследствии выбрали иной путь, сделали ставку на науку, и с каждым поколением среди них рождалось все меньше и меньше магов...

– Прошлое не изменить... – Лавочка стояла в уютном дворе, скрытая от посторонних глаз густыми кустами, которые и были единственными слушателями коротких фраз, произносимых мужчиной во время размышлений. – Мы пошли своей дорогой, но изменились внешне, не внутренне.

И настолько похожи с обитателями Тайного Города, что иногда задумываешься: действительно ли мы другие? Действительно ли мы все разные? Не получилось ли так, что навы, чуды, люды, челы и даже, страшно подумать, асуры, гораздо ближе друг другу, чем кажется? И все наши различия – как у болидов Формулы-1, – в нюансах. Потому что, чем дольше я живу в Тайном Городе, чем лучше узнаю его обитателей, тем больше убеждаюсь, что мы необычайно похожи...

Своим отношением к жизни.

Они любят и ненавидят, подличают и держат слово, жертвуют собой и убегают с поля боя, плачут, смеются, грешат. И грехи в Тайном Городе очень похожи на те, что чернят души людей. И расплата за них иногда приходит гораздо раньше, чем рассчитывает грешник.

Грех...

Нелюди не обременены религиозными учениями, понятие греха в нашем понимании у них отсутствует, зато существует предельно четкое разделение на «правильно» и «неправильно», основанное на древних традициях и законах. Соответственно, и замолить свой проступок «когда-то потом» удастся не всегда. Обитатели Тайного Города предпочитают воздавать по заслугам при жизни.

– Да уж, с индульгенциями у них не очень, – усмехнулся мужчина, посмотрел на часы и поднялся на ноги.

Уже скоро.

Уже совсем скоро кое-кому придется платить по счетам.

– Уличные патрули? – переспросил удивленный Звонимир.

– Именно так, дружище, – невозмутимо подтвердил мужской голос из телефонной трубки. И весомо продолжил: – Только что закончилось экстренное совещание у королевы, в ходе которого было принято решение выставить на улицы сектора Люди вооруженных бойцов.

– Из-за нава и чуда?

– Из-за двух убитых магов высокого уровня, – поправил обер-воеводу собеседник. – И еще из-за того, что непонятно, кто их убил. По городу разгуливает спятивший колдун или обвешанный сверхбыстрыми артефактами чел. Тоже спятивший, как ты понимаешь. И королева не хочет, чтобы пострадал кто-то из наших. Вопросы есть?

Вопросов была масса, однако Звонимир понимал, что телефонный разговор не позволит получить все интересующие его ответы, а потому сосредоточился на главном:

– Кого искать?

– Обращать внимание на любые подозрительные факты.

– А...

Собеседник предвидел следующий вопрос и не позволил обер-воеводе его задать:

– К каждому патрулю будет приставлена фея или фата. – Не слишком вежливый поступок наглядно показывал, что разговор уже отнял больше времени, чем планировалось. – Они главные.

Последнее уточнение вызвало предсказуемое недовольство:

– Не слишком ли жирно для них?

Магическими способностями в Зеленом Доме обладали исключительно женщины, и составлявшие основу дружин мужчины чутко относились к любым проявлениям неравенства.

– Мы ищем мага, а потому этот вопрос не обсуждается, – жестко отрезал собеседник. – Нравится тебе или нет, но в этой операции мы на подхвате. Ищем все подозрительное и вызываем девчонок, если требуется – осуществляем прикрытие. Вопросы есть?

Присказка у Радослава, личного помощника барона Измайловского домена, была дурацкой: «Вопросы есть?» Ну, есть, а что это меняет? Присказка раздражала Звонимира, но приходилось терпеть, как ни крути, а Радослав – фигура значимая, злить его опасно.

– Я все понял, – пробурчал обер-воевода. – Вопросов нет.

Будем подчиняться колдуньям и таскаться по улицам. Судя по всему, королева здорово прижала баронов, раз они согласились на такие условия.

– Вот и хорошо. – Радослав помолчал, словно отмечая в блокноте: «Позвонил обер-воеводе З., приказ передал», после чего закончил: – Патрулирование сектора начинается немедленно. Первыми выходят ребята Чеснополка, твоему подразделению досталась смена с полуночи до шести утра. Карту маршрутов и список кураторов из Дочерей Журавля пришлю через час. Готовься.

– Понял.

Звонимир убрал телефон в карман, сплюнул, выругался и снова сплюнул, рассеянно оглядывая родной двор, в который приехал пять минут назад и который, похоже, придется быстро покинуть.

Будучи одним из четырех обер-воевод дружины Измайловского домена, Звонимир понимал, что обстановка в Тайном Городе накаляется. Два убийства подряд – это не шутки. Три с половиной часа назад чуды официально подтвердили то, о чем Тайный Город шептался с самого утра – смерть Алекса де Кантора, и пообещали жестоко отомстить преступнику. С навами вообще все понятно: дерзкое убийство Харуги взбесило темных настолько, что Зеленый Дом посоветовал своим подданным временно не посещать сектор Нави. Во избежание, так сказать. А час назад и вовсе поползли слухи, что оба преступления совершил один убийца. И что это – чел.

Странные убийства, странные слухи, два Великих Дома нервничают... Звонимир догадывался, что Людь в стороне не останется, однако рассчитывал, что дружины поднимут лишь после того (не дай Спящий, конечно), как среди жертв таинственного преступника появится подданный или подданная Зеленого Дома. Но королева решила опередить события и продемонстрировать материнскую заботу. С одной стороны, правильно – на такие события нельзя закрывать глаза, с другой – вечер безвозвратно загублен.

Продолжая стоять у подъезда, Звонимир поднял голову и посмотрел на освещенные окна многоэтажного дома, отыскал взглядом зеленые занавески, которыми Милорада украсила кухню, и вздохнул.

Позвонить? Сказать, что срочно вызывают на базу дружины? Или подняться и поужинать? А позвонить заместителю, чтобы он поднимал ребят?

Что выбрать? Долг или семью? Приказ барона или тепло, что дарит молодая жена? Горячая Милорада, красавица с ладной фигурой, при одном лишь воспоминании о которой Звонимира охватывали самые приятные мысли.

«Радослав сказал, что моя смена с полуночи. Чтобы собрать ребят, нужно часа полтора. Инструктаж, совещание с Дочерьми Журавля, выход на исходные... Ладно, еще полтора. То есть я могу явиться на базу в половине одиннадцатого, перед совещанием. А всем остальным пусть Любосвет занимается, на то он и заместитель».

Звонимир еще раз посмотрел на зеленые шторы, представил, как проведет ближайшее время, и улыбнулся.

Поглощенный приятными мыслями, он не заметил, точнее, не обратил внимания на появившегося за спиной чела. Самого обыкновенного чела, каковых в Москве миллионы. А тот, в свою очередь, не стал приближаться, чтобы не оказаться в зоне действия установленной у подъезда видеокамеры. Огляделся быстро, в последний раз убедившись, что единственные свидетели – небольшая стайка подростков, – находятся далеко и заняты своими делами, вновь перевел взгляд на обер-воеводу, свел и тут же резко расцепил руки.

И могучий люд изогнулся, словно захваченный невидимой, но в то же самое время – реальной удавкой. Вцепился руками в шею, покраснел, захрипел, упал на колени, глядя на двери подъезда выпученными глазами, снова захрипел, не в силах вырваться из магического захвата, но сознания не потерял. И вовсе не потому, что был необычайно силен, нет, просто так захотел убийца.

Звонимир стоял на коленях и тщательно, словно хорошо приготовленное блюдо, пережевывал собственную смерть. Чувствовал стискивающую горло петлю, разрывающиеся в запертой груди легкие. Чувствовал, буквально физически ощущал, как начинает отказывать лишенный кислорода мозг. Понимал приближение вечной тьмы, но оставался в сознании. Трясся от страха, но не впадал в панику, потому что убийца этого не хотел. Дополнительный аркан, заброшенный на обер-воеводу вместе с удушением, не позволял Звонимиру ухнуть в беспмятство, заставлял остро и очень полно переживать смерть и одновременно – слушать приговор.

Убийца молчал, но его громкий голос звенел в ушах умирающего обер-воеводы, напоминая о совершенных грехах, рассказывая, кто и за что его казнит.

* * *

Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь.

Москва, Ленинградский проспект,

7 июня, вторник, 21:12

Говоря откровенно, приезжать в Цитадель, в крепость могущественного Темного Двора, в оплот его власти и силы, подданные Великого Дома Навь не любили. Хотя против самого здания, как символа мощи темных, вассалы князя ничего не имели. Широкая, выстроенная в сталинском стиле Цитадель располагалась аккурат на развязке, где Ленинградский проспект растекался на два шоссе, и выглядела, как все здания той эпохи, пусть и не современно, зато благородно, создавая ощущение основательности и надежности. Цитадель внушала уважение одним своим видом, но любоваться ею предпочитали издалека. Архитектурные пристрастия навов отличались оригинальностью, а потому внутреннее строение крепости производило на всех остальных жителей Тайного Города гнетущее впечатление. Хотя самые опасные и отвратительные места Цитадели – подвалы и подземелья, – распахивали свои двери лишь для врагов Темного Двора.

Подданные Нави уважали сюзеренов, но противостоять подсознательному страху перед Тьмой не могли, и именно поэтому некоторые этажи Цитадели были полностью переделаны, приобретя привычный заурядному глазу облик. На этих этажах располагались кабинет комиссара, несколько рабочих помещений, и в том числе – большая комната для совещаний...

– Добрый вечер, господа. – Против обыкновения Сантьяга не вошел в помещение, а возник во главе стола, воспользовавшись магическим порталом. Судя по всему, высший боевой маг Нави был настолько занят, что экономил минуты. – Прошу вас, присаживайтесь.

– Комиссар...

– Добрый вечер...

Однако Сантьяга оборвал нестройный хор ответных приветствий легким движением руки.

– Я благодарен за то, что вы столь быстро откликнулись на мое приглашение.

Учитывая обстоятельства, приглашение имело форму приказа, однако напоминать об этом никто из собравшихся не стал. Из вежливости.

– Заверяю, встреча не займет много времени – у меня слишком много дел. – Сантьяга быстро оглядел присутствующих. – Поверьте, я был бы рад собрать вас по более веселому поводу, однако случилось то, что случилось.

– Хочу еще раз выразить свои соболезнования, комиссар, – угрюмо произнес епископ Треми. – И хочу еще раз сказать, что семья Масан приложит все усилия для поиска убийцы.

– Благодарю вас, Захар, – кивнул Сантьяга. – Я ни секунды не сомневался в вашей преданности.

– Настоящие друзья познаются в беде.

– Согласен.

В совещании принимало участие немного народу, но подобраны участники были тщательно – комиссар вызвал в Цитадель лишь тех, кто мог оказать наиболее эффективную поддержку, ни одного лишнего звена.

Справа от Сантьяги сидел епископ Захар Треми, влиятельный лидер семьи Масан, мрачных ночных охотников. Кровососы были одной из самых проблемных семей Тайного Города, однако в тяжелые времена всегда поддерживали навал. Рядом с Захаром расположился невысокий и худенький Чуя, представитель обитающей в московском Лабиринте семьи Ось. Полу-дикие бродяги, кочующие в компании гигантских крыс по канализациям и тоннелям метро, знали все тайны подземной столицы и не раз оказывали навал неоценимые услуги. Напротив оса и масана устроились Егор Бесяев, директор «Тиградком», в ведении которой находилась Объединенная Телекоммуникационная Сеть, и шас Карим Томба, известнейший журналист Тайного Города. А еще дальше сидел Виталик Громов, по прозвищу Шизгара, владелец главного сетевого ресурса наемников – сайта «ГоловоРезка».

За свою долгую жизнь Сантьяга завербовал сотни осведомителей, располагал огромной сетью информаторов и помощников, но сейчас ему требовалось больше, гораздо больше. Комиссар планировал поставить под ружье весь Тайный Город и превратить Москву в одну большую сеть, в которой должен запутаться преступник.

– Все вы читали заявление пресс-службы Темного Двора и знаете, что сегодня днем был убит Харуга. – Сантьяга выдержал короткую паузу. – В заявлении было сказано, что расследование продвигается быстрее, чем мы рассчитывали, но в действительности это не так. Я до сих пор не знаю ни имени убийцы, ни его мотив. Я в тупике.

Шизгара тихонько кашлянул – не смог сдержаться, услышав из уст комиссара столь необычное признание. Остальные гости оказались более выдержанными. Захар мрачно кивнул, а Бесяев и Томба в лице не изменились. Чуя тоже, но по другой причине – он с трудом улавливал смысл длинных выступлений.

– Все оставляют следы, комиссар: или на земле, или в прошлом, – протянул Треми. – Уверен, через пару часов мы будем знать о преступнике все.

– Пару часов назад я тоже был в этом уверен, – ровно ответил Сантьяга.

– Вы потеряли надежду?

– Я немножко взбешен.

– И вы немножко торопитесь. – Ответом стал тяжелый взгляд черных навских глаз. Захар выдержал его, после чего вновь кивнул: – Понимаю.

Мало кто в Тайном Городе мог позволить себе затевать с комиссаром подобные беседы в подобный момент, но Треми был не просто союзником, а другом. И он искренне разделял боль Сантьяги.

– У моей торопливости есть причина, – негромко объяснил комиссар. – Когда убийца сообразит, кого он разозлил, он, вполне возможно, покончит с собой. А у меня появилось жгучее желание с ним встретиться.

И с этим тоже все понятно. О том, как именно поступят навы с убийцей Харуги, присутствующие старались не думать, даже Захар признавал, что самые смелые фантазии масанов бледнеют на фоне изобретательности темных.

– Как я уже сказал, в настоящий момент у нас нет достоверной информации о личности убийцы и его мотивах, – вернулся к делам Сантьяга. – А потому мы будем рады любой помощи.

– Все, что угодно, комиссар.

– Если потребуется – первые страницы всех изданий «Тиградком» в вашем распоряжении.

– Нам очень неприятно, что под подозрением оказались челы, и мы приложим все усилия, чтобы как можно быстрее разобраться с этой проблемой, – поддакнул Шизгара.

– Если он придет в Лабиринт, мы его съедим, – пообещал ос.

– Кого? – поднял брови Сантьяга.

– Убийцу! – объяснил Чую. И гордо добавил: – Никто не смеет трогать Темный Двор!

Осы не отличались сверхъестественной сообразительностью, воспринимали информацию медленнее остальных жителей Тайного Города, и комиссар понял, что под ударом оказались все посещающие Лабиринт челы, включая рабочих и работников метро.

– С вами мы переговорим отдельно, – пообещал нав.

– Со мной? – растерялся ос. – Почему?

– Потому что с вашей стороны присутствует кое-какое недопонимание ситуации.

Захар ухмыльнулся.

– Но... – начал было Чую.

– Тихо!

Иногда случались моменты, когда знаменитая воспитанность комиссара давала сбой.

– Во-первых, мне нужна информация, – жестко произнес Сантьяга. – Я хочу знать все сплетни и слухи, которые циркулируют по Тайному Городу. Если на глухой окраине в маленьком человеческом баре в пьяном разговоре прозвучит подозрительная фраза, я хочу ее услышать. Это понятно?

– Да.

– Не проблема.

– Сделаем.

– Мы должны разговаривать с челами? – удивился Чую.

– Второе, – продолжил комиссар, проигнорировав вопрос оса. – Пресс-служба Темного Двора готовит еще одно заявление: «За любую информацию, которая поможет раскрыть преступление, Великий Дом Навь выплатит сто тысяч». Уверен, это еще больше подстегнет и моих и ваших информаторов.

– Золото все любят, – согласился Карим Томба.

А настоящий шас знал об этой любви значительно больше остальных.

– Я не закончил, – недовольно бросил Сантьяга. – Тот, кто выведет нас на убийцу, получит десять миллионов.

– Без вопросов? – неожиданно спросил Шизгара.

– То есть?

– Предположим, гипотетически, конечно, что у преступника есть сообщник, который, услышав о вашем щедром предложении, пожелает раскаяться. Ну, совесть его замучает и все такое прочее... Предположим, что этот гипотетический сообщник не ожидал, что целью преступления станет нав, и теперь готов искупить свою вину. Как вы с ним поступите?

– Вопросы у нас, безусловно, будут, и вопросов будет много, – не стал скрывать комиссар. – Но я понял вашу мысль и...

Пауза, короткая борьба с собой, точнее – с жадой крови, с пылающим внутри гневом. И завершилась эта борьба победой холодного рассудка.

– Мы готовы к компромиссу в разумных пределах, – мрачно ответил Сантьяга. – Мы тщательно проверим все обстоятельства и если убедимся, что ваш гипотетический сообщник действительно не хотел ссориться с Темным Двором, он получит прощение.

– Тщательная проверка будет включать в себя пытки?

– У вас гипотетический интерес или вы знаете чела, готового за десять миллионов сдать мне убийцу?

– Гипотетический, – мгновенно сдал назад Шизгара.

– В таком случае давайте дождемся, когда гипотеза превратится в реальность. И сосредоточимся на первоочередных задачах.

Последняя фраза означала окончание выступления и явственно намекала собравшимся, что они могут высказаться.

– Я задействую все ресурсы «Тиградком», – быстро произнес Бесяев. – Если через два часа какой-нибудь житель Тайного Города не узнает о вашем предложении, это будет означать, что он не смотрит телевизор, не слушает радио, у него нет мобильного телефона или он мертвый.

– Каждый репортер мечтает о славе, и многие уже рыщут, пытаясь разгадать убийства, – подал голос Карим Томба. – Но у меня есть определенное влияние на этих ребят, и я гарантирую, что наиболее интересные факты будут в первую очередь поступать вам.

– Благодарю.

– Искренне надеюсь, что ублюдок высунется из своего логова ночью, – проворчал Треми. – Все масаны будут настороже, комиссар, пусть только появится – обещаю, мы его не упустим.

– Я поговорю с наемниками, – деловито пообещал Шизгара. – Возможно, кто-то из них получал странные предложения и теперь трясется от страха, раздумывая, донести или нет?

– Хорошая мысль, – одобрил комиссар.

– Если убийца укрылся в Лабиринте, мы его найдем, – пообещал ос. – А как он выглядит?

– Этого никто не знает, – буркнул Захар.

– Ладно, – махнул рукой Чуя. – Найдем и так.

– Только не переусердствуйте, пожалуйста, – попросил комиссар.

– Это как?

Сантьяга вздохнул, но объяснить Чуе свои требования не успел: дверь в комнату распахнулась, и выросший на пороге Ортега выпалил:

– Горячие новости, комиссар: только что у порога собственного дома убит обер-воевода Измайловского домена.

– Значит, люды отпадают, – мрачно усмехнулся Сантьяга. – Еще одна версия псу под хвост.

* * *

Муниципальный жилой дом.

Москва, Измайловский проспект,

7 июня, вторник, 21:43

В этом июне пережить путешествие по Москве можно было исключительно при наличии в машине кондиционера. Раскаленный за день асфальт, вполне подходящий для жарки бекона,

был бы, наверное, рад хоть чуть-чуть остыть, отдохнуть от лучей беспощадного солнца, расслабиться, но надежды эти рушили легионы пышущих жаром автомобилей, на которых рабочий люд добирался до вождленного дома. И асфальт продолжал плавиться, выплевывая из себя надоевшее всем тепло. Застоявшийся воздух терял прозрачность, превращаясь в горячее желе, не питал, а душал пешеходов, вздумавших сдур прогуляться вдоль переполненных дорог. И крепко бил по мозгам шоферюг, лишенных кондиционеров, превращая приличных, в общем-то, людей в остервенелых участников игры «Соверши как можно больше дурацких ошибок». Обалдевшие от жары водилы не смотрели в зеркала, не включали поворотники, тормозили перед свободной полосой и давили на газ в пятидесяти метрах от хвоста плотной пробки. Болтали по телефону, выводили радио на максимальную громкость и охотно матерились на всех остальных, которые, по их мнению, вели себя за рулем, словно обезьяны.

– Козел, – пробормотала Даша, заехав, наконец, в свой двор.

Скорее всего, оскорбление предназначалось ошалевшему «маршруточнику», едва не подставившему под бампер аккуратного Дашиного «Пежо» свой высокий борт. Да, именно «маршруточнику», вряд ли уставшая девушка среагировала подобным образом на пришедшее от Коли SMS: «Снова задерживаюсь. Извини».

Хотя могла бы.

Парковочных мест возле дома было много – лето, кто в отпуске, кто переехал на дачу, – Даша без труда отыскала свободное между «Жигулями» и «Фордом», вышла из машины и только тогда заметила небольшую толпу у своего подъезда.

– Что случилось?

– Степа Звонарев помер, – охотно сообщила Анна Валерьевна, самая боевая из всех окрестных старушек. – Царство ему небесное.

– Кто? – не поняла Даша.

– Степан Звонарев, – повторила старушка, и уточнила. – Сосед твой с пятого этажа.

– А-а...

В памяти девушки всплыло круглое лицо белокурого зеленоглазого толстяка... Нет, какого же толстяка? Скорее уж, здоровяка – мужчиной Степан Звонарев был мощным, штангиста напоминал или борца. И оставался таким все время, что она его знала, лет, наверное, двенадцать... С тех пор, как Даша с родителями переехала в Измайлово.

– Как же так? – растерялась девушка.

– Шел домой, да не дошел, – вздохнула Анна Валерьевна.

– Сердце вроде, – пробормотала Юлия Федоровна из третьего подъезда и перекрестилась.

– Не вроде, а точно – сердце, – поправила подругу Анна Валерьевна.

– А ведь крепким был, здоровым.

– Работал Степа много. То ночью уедет, то на неделю пропадет. – Анна Валерьевна страдала бессонницей, а потому следила за обитателями дома практически круглосуточно.

– Жена его, бедная, в окно все увидала, – продолжила рассказ Юлия Федоровна. – Из дома выскочила в чем мать родила, да только что она могла? На ее руках Степан умер.

– Он уже мертвый был, когда она выскочила.

– Да нет, врачи откачивать пытались, я видел.

Это подал голос Гена из первого подъезда. Вместе со своим приятелем, Мишей, он считался главным местным лоботрясом, которого все ругали и при этом жалели. Учиться Гена бросил еще до армии, на толковую работу устроиться не смог, перебивался грузчиком в ближайшем магазине и потихонечку спивался под шепоток окружающих: «Не повезло парню». На самое дно Гена еще не опустился, но камнями себя обвязал прочно...

– Врачи быстро приехали, только сделать ничего не смогли. Сначала делали, а потом руками развели, я слышал.

– Слышал, как руками развели? – хмуро спросила Даша.

– Как жене они сказали, что все, мол, готовьте черное.

– А жена у Степана аппетитная, – неожиданно произнес Миша. – Ножки красивые и грудь ничего.

И вытер слюнявый рот рукавом грязной рубашки.

– А ты ее грудь видел?

– Так она с такими вырезами разгуливает, что даже слепой увидит!

– Так в вырезы можно этот вставить, как его... силикон!

– Постеснялись бы! – прошипела Юлия Федоровна.

– А что такого? – осведомился Миша.

– Свести у вас нет, вот что.

– Так Степан же умер, ему все равно, – хмыкнул Гена.

– А к жене, наверное, зайти надо, – протянул Миша. – Соболезнования выразить, может, помочь в чем.

В школе его называли «красивым парнем» и забулдыга до сих пор считал себя таковым.

– Уроды, – бросила Даша.

– Мы шутим, шутим.

– Плохо шутите.

– Вот именно, – добавила Анна Валерьевна.

– Ну, извините.

Со старушками Даша еще поболтала бы, но терпеть охламонов надоело. Девушка негромко бросила: «Пойду, пожалуй», сделала несколько шагов к подъезду, однако снова остановилась, пристально разглядывая происходящее.

Карета «Скорой помощи» отъехала в сторону, чтобы не мешать проезду, и заняла место Тихомирова с третьего этажа. Двигатель у «Скорой» не работает, шофер сидит в кабине и решает кроссворд – света, несмотря на позднее время, еще достаточно. Врач и фельдшер стоят у накрытого простыней тела. Врач бездумно разглядывает двор, фельдшер утешает вдову, веселую и болтливую Милу Звонареву, которую Даша знала поверхностно – познакомились как-то по дороге из магазина, но тесно не общались, хотя почти ровесницы.

«Надо будет к ней зайти. Сказать что-нибудь...»

А сейчас надо идти дальше!

Даша представила себя со стороны: беззастенчивая девица, вытаращившаяся на чужое горе, почувствовала стыд, сделала еще один шаг и вновь замерла, поняв, наконец, что заставило ее остановиться в первый раз: была в происходящем у подъезда какая-то невнятная, необъяснимая, едва уловимая неправильность. Шофер сидит, врач стоит, фельдшер утешает, вдова рыдает. Картина словно застыла перед взглядом. Расставленные фигуры почти неподвижны: водитель водит ручкой по газете, врач периодически почесывает затылок и поглядывает на часы, фельдшер гладит Милу по спине. Тело на асфальте... Кстати, а почему Степан до сих пор на асфальте? Почему его не переложили на лавочку, которая стоит буквально в двух шагах?

– Почему они вообще до сих пор здесь?

Последнюю фразу Даша произнесла вслух и вздрогнула, услышав ответ:

– Полицию ждут, – произнесла подошедшая вслед за девушкой Анна Валерьевна. – Смерть зафиксировать надо.

Полиция не торопится. Допустим. Бывает. Но почему врачи не возмущаются? Почему не звонят кому-нибудь? Не пытаются ускорить прибытие полицейских? У врачей дел других нет, как дожидаться?

– Вот судьба, да? – продолжила меж тем старушка.

– Что?

– Судьба, говорю, от судьбы не уйдешь. – Анна Валерьевна вздохнула. – Степан два года как жену схоронил, а теперь и сам помер. Такие дела...

А ведь верно: раньше у Звонарева была другая жена. Как же ее звали... Катя! Точно – Катя. Веселая такая женщина, лет на десять старше Даши. И тоже, как Мила, натуральная блондинка. И умерла Катя неожиданно, совсем как Степан – сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.